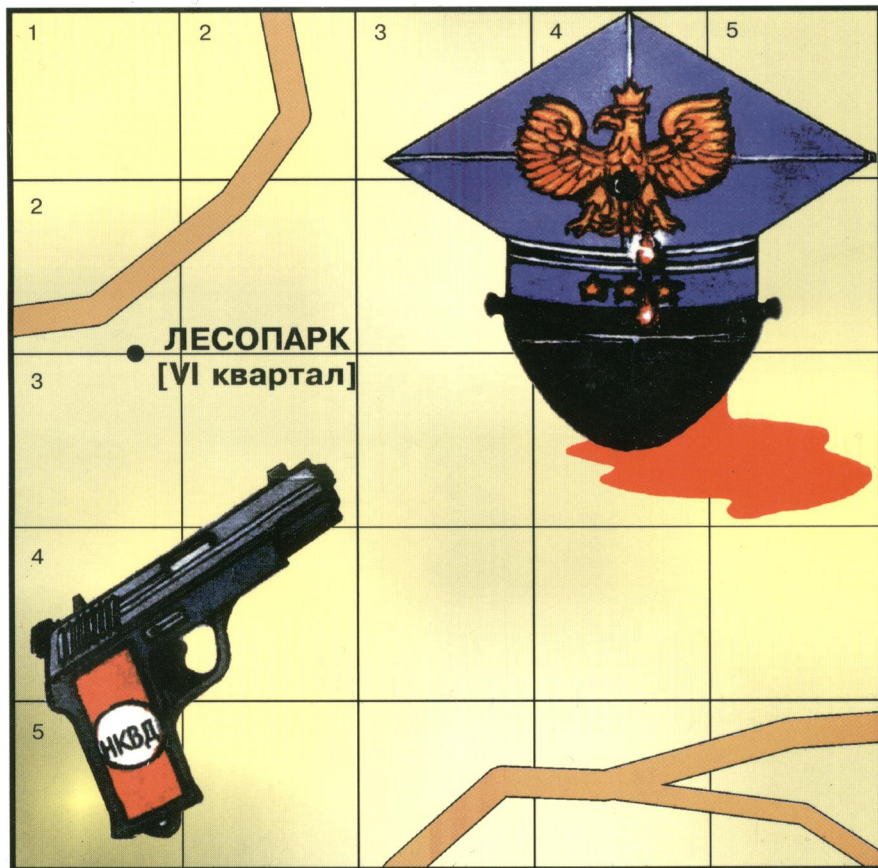

С.М. Заворотнов

ХАРЬКОВСКАЯ

"КАТЫНЬ"

Заворотнов С.М.

ХАРЬКОВСКАЯ КАТЫНЬ

Издание второе, стереотипное

®

КАНСУМ
ФИРМА

Харьков
«КАНСУМ»
2004

ББК 63.3 (4УКР)6
Т3(4УКР)6

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	4
I. МЕСТЬ ВОЖДЯ	6
II. КРОВАВЫЙ ПРОТОКОЛ СТАЛИНСКОГО ПОЛИТБЮРО	65
III. СТАРОБЕЛЬСК – ХАРЬКОВ. ПУТЬ В БЕЗДНУ	77
IV. КОНВЕЙЕР СМЕРТИ НКВД	85
V. СПУСТЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ	107
ПОСЛЕСЛОВИЕ	139

Заворотнов С.М.
3-13 Харьковская Катюнь. — Харьков: Консум, 2004. — 140 с.
ISBN 966-7920-44-5

ББК 63.3 (4УКР)6

В данной книге на основе архивных документов и материалов НКВД СССР освещается малоизвестная страница истории — кровавая трагедия расстрела 3 900 военнопленных польских офицеров в г. Харькове в апреле-мае 1940 года.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© С.М. Заворотнов, 2003, 2004
© Совместное коллективное предприятие фирма «Консум», 2004

ISBN 966-7920-44-5

ВСТУПЛЕНИЕ

«От соседа ничего не скроешь» —
гласит польская народная пословица.
«Близкий сосед лучше далекого брата» —
гласит украинская народная пословица.

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, открыли, излагает мою точку зрения. Насколько она будет убедительной — судить Вам.

Автор

У двух наций, двух народов-соседей Украины и Польши совпадают взгляды на дружбу и сотрудничество.

На пути к дружбе, взаимопониманию и сотрудничеству двух народов-соседей есть пока еще препятствия в виде «белых пятен» в совместной истории, не изученных и не исследованных до конца страниц истории взаимоотношений двух государств.

«Белым пятном» истории остается и расстрел 3 900 военнопленных польских офицеров в подвалах НКВД города Харькова в апреле — мае 1940 года. Это породило дух враждебности и недоверия в душе польского народа. Та далекая кровавая трагедия — национальная боль Польши. Преодолеть ее, излечить эту глубокую рану в сердце Республики Польши и ее народа можно только раскрытием и объективным освещением всей правды, какой бы горькой она не была.

Данная книга, к глубокому сожалению, первая и единственная книга в Украине о кровавой трагедии, происшедшей в Харькове 63 года тому назад.

Эта книга — покаяние старшего офицера органов внутренних дел Украины за так называемых «коллег из прошлого».

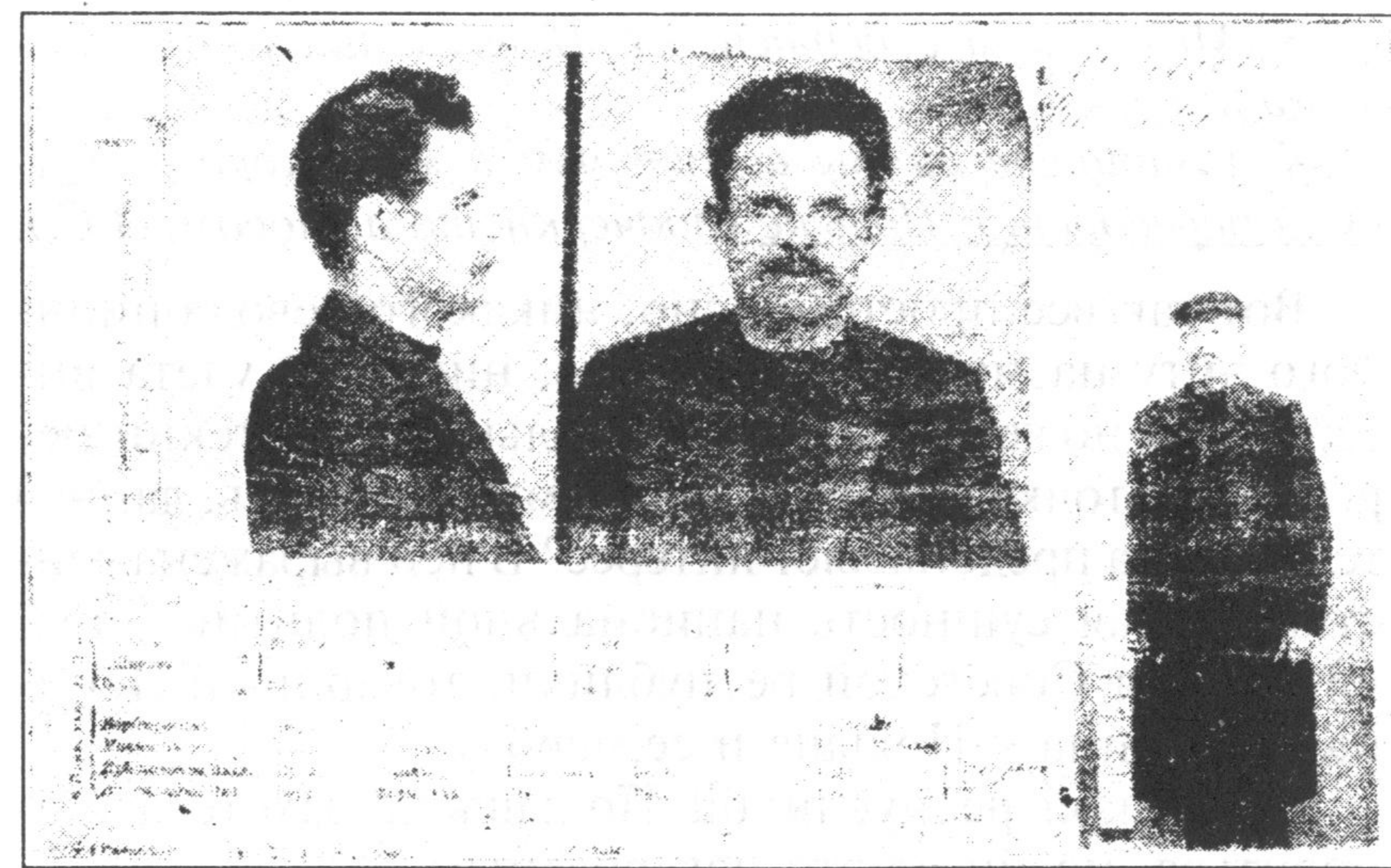
I. МЕСТЬ ВОЖДЯ

Почему Сталин питал ненависть к польскому народу и Польше? По мнению автора может быть ряд причин.

Еще до революции 1917года в России, у Сталина была крепкая дружба с товарищем по партии Романом Малиновским — поляком по национальности. Однако в последствии было установлено, что Р. Малиновский, будучи членом Центрального комитета большевиков, занимал не менее видный «пост» в политической полиции царской России — был ее супер-агентом, ее гордостью, с месячным жалованием в 700 рублей, за свой «нелегкий» провокаторский труд.

Р. Малиновский, высокооплачиваемый провокатор царской охранки, имевший агентурные клички «Икс», «Старый», «Портной», решением Верховного трибунала ВЦИК Советской России был расстрелян в 1918 году в 24 часа. А ведь Роман Малиновский был любимчиком Ленина и лучшим другом товарища Сталина.

Справедливость восторжествовала, но многие старые большевики помнили о крепкой дружбе поляка Р. Малиновского, лучшего агента царской охранки со Сталиным. Это не могло не отложить отпечаток на болезненное самолюбие «отца всех народов», бросить тень сотрудничества его самого с царской охранкой. А свое провокаторское прошлое он ох как не хотел вспоминать.

*Суперагент политической полиции царской России
Роман Малиновский*

В декабре 1918 года Социал-демократическая партия королевства Польши и Литвы и ППС-левица образовали Коммунистическую партию Польши, которая поддержала силы, руководимые Пилсудским. Сталин, будучи руководителем национальной политики Советского государства, не мог простить этого. Польские коммунисты считали, что национальное самосознание выше партийного.

Поэтому интерес представляет телеграмма Ленина, направленная Уншлиху и Реввоенсовету Западного фронта от 15 июля 1919 года, следующего содержания:

«Сообщите Вашу оценку такой тактики:

1. Мы заявляем очень торжественно, что обеспечиваем польским рабочим и крестьянам границу той, которую дает Керзон и Антанта;
2. Мы направляем все силы, чтобы добить Пилсудского;

3. Мы входим собственно в Польшу лишь на кратчайший срок;

4. Считаете ли Вы вероятным и как скоро советский переворот в Польше (подчеркнуто автором, З.С.).

Вот так все просто и ясно, никакого революционного энтузиазма народных масс, никакого учета интересов и пожеланий народа Польши. Советский переворот и точка. Почему, уважаемый читатель, данная телеграмма представляет интерес? В ней выражена действительная сущность национальной политики правительства Советской республики, товарищей Ленина и Сталина к Польше и ее народу.

Советской республикой Польша не захотела становиться, посчитав это невероятным.

В период Гражданской войны в СССР 1918–1920 гг. Сталин по заданию Центрального комитета неоднократно переводится с одного фронта на другой, проявляя при этом капризность и самоупрямство. В 1920 году он назначается членом Военного Совета Юго-Западного фронта.

Опьяненные идеей мировой революции руководство партии большевиков двигало лозунги в красноармейские массы: «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин!», «Даешь Париж!». По мнению руководства Советской республики, разгорался пожар мировой революции, и война шла к победоносному завершению.

Однако, вместо победоносного захвата Львова и Варшавы, Юго-западный фронт, руководимый Егоровым и Сталиным, терпит сокрушительное поражение. Только в плен польской армии попало около 80 000 красноармейцев. Такого позора и унижения Сталин еще не испытывал. Разбив отборные армии Белой гвардии царской России — Деникина, Врангеля, Юденича

и Колчака и других и так «споткнуться» о Польшу. Европа не приняла мировую революцию.

Сталина снимают с занимаемой должности. «Коба» никогда и никому в жизни не прощал обиды. После этого он на долгие годы затаил смертельную злобу на Польшу и польский народ и терпеливо выжидал момент для мести.

* * *

С начала 20-х г.г. до сентября 1939 г. Польша для Сталина была «форпостом агрессивного блока империалистов».

Особенно раздражали Сталина польские коммунисты и Компартия Польши в целом, занимавших особую позицию и отстаивающих национальные интересы Польши, что шло вразрез с постулатами Коммунистического Интернационала и личными убеждениями товарища Сталина.

Свою ненависть Сталин направил в первую очередь против руководства Компартии, которое было фактически уничтожено. Были репрессированы Прухняк, Ленский, Кошутская. Последний член Политбюро КПП Белевский был арестован в сентябре 1937 г. А в завершении этой акции в 1938 г. решением Президиума исполкома Коминтерна Компартия Польши была ликвидирована, в связи с тем, что в ней якобы «орудовали агенты польского фашизма».

* * *

Началом массовых репрессий и расстрелов, «этнических зачисток» поляков, граждан СССР и Украины послужил приказ «железного наркома» Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. Это было сделано только с благословения самого «великого Сталина».

Иосифу Виссарионовичу представилась возможность отомстить полякам за обиду, нанесенную ему в 1920 году.

В настоящее время в данном направлении ведет активный поиск творческий коллектив государственного предприятия, Редакционно-издательская группа харьковского тома серии «Реабилитированные историей» под руководством основателя этого коллектива Нины Лапчинской. В списке выявленных этой группой граждан СССР можно выделить репрессированных органами НКВД 1937–1938 г. по национальному признаку. Среди них большее количество этнических поляков жителей города Харькова.

Вот только короткий список установленных фамилий этнических поляков, захороненных в это время на так называемом еврейском кладбище в городе Харькове, ныне Комсомольский парк по улице Академика Павлова.

1. Бончковский Иосиф Иванович

1890 г.р., г. Побляниц, Польша, по национальности — поляк.

На время ареста — мастер на Канатной фабрике.

Арестован 30.10.1937 г. УГБ ХОУ НКВД как член контрреволюционной диверсионной организации.

Статьи обвинения: 54-1 п. «а» УК УССР.

По решению НКВД СССР и Генерального Прокурора СССР от 16.11.1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян в г. Харькове 21.11.1937 г.

Реабилитирован 15.07.1958 г.

2. Вишинский Станислав Иванович

1895 г.р., с. Лебедь Седлецкой губ. По национальности — поляк.

На время ареста — директор трамвайного треста г. Харькова.

Арестован по ст. 54-7, 54-8, 54-11, УК УССР. По решению военной коллегии Верховного Суда СССР от 01.10.1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян в г. Харькове 02. 10. 1937 г.

Реабилитирован военной коллегией Верховного Суда СССР 06.10. 1956 г.

3. Езерский Корнелий Иванович

10.04.1978 г.р., Белоруссия, по национальности — поляк.

На время ареста — кассир базы №132 Нововодолажского райотдела УНКВД по Харьковской области. Арестован 20.10.1937 г. ДТО ГУГБ НКВД Южной ж.д.

Статьи обвинения: 54-1 п. «а», 54-9, 54-11 УК УССР.

По решению НКВД СССР и Генерального Прокурора СССР (протокол. №287) от 09.11.1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян 15.11.1937 г. в г. Харькове.

Реабилитирован Военным трибуналом Киевского военного округа 30.08.1957 г.

4. Рехлецкий Владислав Нифонтович

25.02.1906 г.р., г. Кривое Озеро Балтского уезда, Подольской губ. По национальности — поляк.

На время ареста — электрик «Харэнерго», г. Харьков.

Арестован 23.08.1937 г. УГБ ХОУ НКВД по обвинению в шпионаже в пользу Польши.

Статьи обвинения: 54-6, 54-1, «а», 54-10 ч. 1 УК УССР.

По решению НКВД СССР и Генерального Прокурора СССР (протокол № 89) от 24.09.1938 г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян 12.10.1937 г. в г. Харькове.

Реабилитирован Военным трибуналом Киевского военного округа 16.12.1958 г.

5. Росновский Иосиф Эдуардович

26.11.1904 г.р., с. Барановка Новоград-Волынского уезда, Волынской губ. По национальности — поляк.

На время ареста — рабочий Будянского фаянсового завода.

Арестован 02—03.03.1938 г. УГБ ХОУ НКВД как член контрреволюционной националистической шпионской организации.

Статьи обвинения: 54-6, 54-11 УК УССР.

По решению УНКВД по Харьковской области от 28.09.1938 г. приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

Расстрелян 09.10.1938г. в г.Харькове.

Реабилитирован Военным трибуналом Киевского военного округа 27.02.1959г.

6. Садовский Франц Иосифович

1892 г.р., Седлецкая губ. По национальности — поляк.

На время ареста — колхозник колхоза «Заможне життя» с.Загрызово Купянского района Харьковской области.

С 1935г. — спецпереселенец.

Арестован 20.11.1937г. Купянским РО УНКВД по Харьковской области по обвинению в контрреволюционной агитации против мероприятия советской власти и партии на селе.

Статьи обвинения: 54-10 ч.1 УК УССР.

По решению НКВД СССР И Генерального Прокурора СССР от 09.12.1937г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян 19.12.1937г. в г. Харькове.

Реабилитирован Военным трибуналом Киевского военного округа 17.06.1958г.

7. Сичевский Александр Флорианович

1891 г.р., с. Садибное Житомирского уезда Волынской губ.

На время ареста — кузнец колхоза «Заможне життя» с.Загрызово Купянского района Харьковской области. С 1935г. — спецпереселенец.

Арестован 21.11.1937г. Купянским райотделом УНКВД по Харьковской области по обвинению в контрреволюционной агитации против мероприятий советской власти и партии на селе.

Статьи обвинения: 54-10 ч.1 УК УССР.

По решению НКВД СССР и Генерального Прокурора СССР от 09.12.1937г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян 19.12.1937г. в г. Харькове.

Реабилитирован Военным трибуналом Киевского военного округа 17.06.1958г.

8. Сичевский Павел Флорианович

1898 г.р., с. Садибное Житомирского уезда Волынской губ.

На время ареста — кузнец колхоза «Заможне життя» с. Загрызово Купянского района Харьковской области. С 1935г. — спецпереселенец.

Арестован 21.11.1937 г. Купянским райотделом УНКВД по Харьковской области по обвинению в контрреволюционной агитации против мероприятий советской власти и партии на селе.

Статьи обвинения: 54-10 ч.1 УК УССР.

По решению НКВД СССР и Генерального Прокурора СССР от 09.12.1937г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян в г.Харькове.

Реабилитирован Военным трибуналом Киевского военного округа 17.06.1958г.

СОВЕРШЕННО-СЕКРЕТНО

ЗАВЕДУЮЩЕМУ ЕВРЕЙСКИМ КЛАДБИЩЕМ в гор.ХАРЬКОВЕ.

Тов. ГОРБАЧЕВУ.

Восемь
При этом препровождаю "98" Декабри
человеческих трупов, которые предлагаю
Вам принять и предать земле в присутствии представителей Комен-
датуры УНКВД по Харьковской Области.

КОМЕНДАНТ УПРАВЛЕНИЯ НКВД
ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

[Signature] /ЗЕЛЕНЬИ/

15 Октября 1937г.
гор. Харьков.

СОВЕРШЕННО-СЕКРЕТНО

А. Т.

Город Харьков "15" Декабре 1937г.

Д. Заведующий Еврейским кладбищем в гор. Харькове ГОРБАЧЕВ того числа на основании предписания Коменданта Управления НКВД по Харьковской Области тов. ЗЕЛЕНЬИГО предал земле "98" Декабри - восемь человеческих трупов в присутствии представителей комендатуры НКВД по Харьковской Области.

ЗАВЕДУЮЩИЙ КЛАДБИЩЕМ *[Signature]* ГОРБАЧЕВ

Присутствовали:

[Signature]
[Signature]

9. Сичевский Петр Флорианович

04.1901 г.р. с.Садибное Житомирского уезда Волынской губ.

На время ареста — колхозник колхоза «Заможне життя» с.Загрызово Купянского района Харьковской облсти.

С 1935г. — спецпереселенец.

Арестован 21.11.1937г. Купянским райотделом УНКВД по Харьковской области по обвинению в контрреволюционной агитации против мероприятий советской власти и партии на селе.

Статьи обвинения: 54-10ч.1 УК УССР.

По решению НКВД СССР и Генерального Прокурора СССР от 09.12.1937г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян 19.12.1937г. в г.Харькове.

Реабилитирован Военным трибуналом Киевского военного округа 17.06.1958г.

10. Яницкий Эдуард Ромуальдович

13.10.1878 г.р., с.Щедрова Подольской губ. По национальности — поляк.

На время ареста — инженер треста «Трубосталь».

Арестован 25.07.1937г. как член контрреволюционной, вредительской, шпионской диверсионной организации.

Статьи обвинения: 54-6, 54-7, 54-9, 54-11 УК УССР

По решению НКВД и Генерального Прокурора СССР от 06.02.1937г. приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян в Харькове 15.12.1937г.

Реабилитирован 14.02.1958г.

Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Ежова Н. № 00485 от 11 августа 1937 года

«О ФАШИСТСКО-ПОВСТАНЧЕСКОЙ, ШПИОНСКОЙ, ДИВЕРСИОННОЙ, ПОРАЖЕНЧЕСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В СССР»

Рассылаемое вместе с настоящим приказом закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР, а также материалы следствия по делу «ПОВ» открывают картину долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза.

Из этих материалов видно, что подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжает проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов.

Даже сейчас работа по ликвидации на местах польских диверсионно-шпионских групп и организации «ПОВ» полностью не развернута. Темп и масштаб следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули даже от оперативного учета (из общей массы перебежчиков из Польши, насчитывающей примерно 15 тыс. человек, учтено по Союзу только 9 тыс. человек). В Западной Сибири из находящихся на ее территории около 5 тыс. перебежчиков учтено не более 1 тыс. человек. Такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши. Что касается агентурной работы, то она почти совершенно отсутствует. Больше того, существующая агентура, как

правило, двойническая, подставленная самой польской разведкой.

Недостаточно решительная ликвидация кадров польской разведки тем более опасна сейчас, когда разгромлен московский центр «ПОВ» и арестованы многие активнейшие его члены. Польская разведка, предвидя неизбежность дальнейшего своего провала, пытается привести, а в отдельных случаях уже приводит в действие свою диверсионную сеть в народном хозяйстве СССР и, в первую очередь, на его оборонных объектах.

В соответствии с этим основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки «ПОВ» и основных людских контингентов польской разведки в СССР.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 20 августа 1937 г. начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций «ПОВ» и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Вся операция должна быть закончена в 3-месячный срок, т.е. к 20 ноября 1937 г.

2. Аресту подлежат:

а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены «ПОВ» по прилагаемому списку;

б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;

в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;

г) политэмигранты и политобменные из Польши;

д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов.

3. Операцию по арестам провести в две очереди:

а) в первую очередь подлежат аресту перечисленные выше контингенты, работающие в органах НКВД, в Красной Армии, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперерабатывающих заводах;

б) во вторую очередь подлежат аресту все остальные, работающие в промышленных предприятиях не оборонного значения, в совхозах, колхозах и учреждениях.

4. Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу. Основной упор следствия сосредоточить на полном разоблачении организаторов и руководителей диверсионных групп, с целью исчерпывающего выявления диверсионной сети.

Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов — немедленно арестовывать.

Для ведения следствия выделить специальную группу оперативных работников.

5. Все арестованные, по мере выявления их виновности в процессе следствия, подлежат разбивке на две категории:

а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 5 до 10 лет.

6. На отнесенных в процессе следствия к первой и второй категории, каждые 10 дней составляются списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, которые направляются на окончательное утверждение в НКВД СССР.

Отнесение к первой или второй категории на основании рассмотрения агентурных и следственных материалов производится народным комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД области или края, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края.

Списки направляются в НКВД СССР за подписью народного комиссара внутренних дел республики, начальника УНКВД и прокурора соответствующих республик, края и области.

После утверждения списков в НКВД СССР и прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т.е. осужденные по первой категории — расстреливаются, а по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря согласно нарядов НКВД СССР.

7. Прекратить освобождение из тюрем и лагерей оканчивающих срок заключения осужденных по признакам польского шпионажа. О каждом из них представить материал для рассмотрения на Особое совещание НКВД СССР.

8. Вся работа по разгрому «ПОВ» и всех остальных контингентов польской разведки умело и обдуманно использовать для приобретения новой агентуры по польской линии.

При отборе агентуры особо тщательное внимание обратить на меры, обеспечивающие органы НКВД от

проникновения в сеть двойников-агентов польской разведки.

Списки намеченных к вербовке агентов, с исчерпывающей характеристикой на них направлять на утверждение начальника ГУГВ НКВД тов. Фриновского.

9. О ходе операции телеграфно доносить каждые 5 дней, т.е. 1, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца.

Народный комиссар
внутренних дел СССР
Генеральный комиссар
госбезопасности
С подлинным верно:
ГУГБ НКВД СССР комбриг

Ежов
оперсекретарь
Ульмер

Итак, согласно вышеизложенному приказу «железного наркома» Ежова провести репрессии и расстрелы, «этнические чистки» поляков, живущих в СССР и Украине надо было выполнить неукоснительно к 20 ноября 1937 года, другими словами на всю важнейшую операцию отводилось 3 месяца.

* * *

**Закрытое письмо наркома внутренних дел СССР
Ежова Н. к наркомам внутренних дел союзных республик,
начальникам НКВД Автономных республик,
областей и краев. 11 августа 1937 г.**

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

**НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ
НКВД АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК, ОБЛАСТЕЙ И КРАЕВ**

НКВД Союза вскрыта и ликвидируется крупнейшая и, судя по всем данным, основная диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, суще-

ствовавшая в виде так называемой «Польской организации войсковой» («ПОВ»).

Накануне Октябрьской революции и непосредственно после нее Пилсудский создал на советской территории свою крупнейшую политическую агентуру, возглавлявшую ликвидируемую сейчас организацию, а затем из года в год систематически перебрасывал в СССР, под видом политэмигрантов, обмениваемых политзаключенных, перебежчиков, многочисленные кадры шпионов и диверсантов, включавшихся в общую систему организации, действовавшей в СССР и пополнявшейся здесь за счет вербовки среди местного польского населения.

Организация руководилась центром, находившимся в Москве — в составе Уншлихта, Муклевича, Ольского и других, и имела мощные ответвления в Белоруссии и на Украине, главным образом в пограничных районах и ряде других местностей СССР.

К настоящему времени, когда ликвидирована, в основном, только головка и актив организации, уже определилось, что антисоветской работой организации были охвачены — система НКВД, РККА, Разведупр РККА, аппарат Коминтерна — прежде всего Польская секция ИККИ, Наркоминдел, оборонная промышленность, транспорт — преимущественно стратегические дороги западного театра войны, сельское хозяйство.

Активная антисоветская работа организации велась по следующим основным направлениям:

1. Подготовка, совместно с левыми эсерами и бухаринцами, свержения советского правительства, срыва Брестского мира, провоцирование войны РСФСР

с Германией и сколачивание вооруженных отрядов интервенции (1918 г.).

2. Широкая, всесторонняя подрывная работа на Западном и Юго-Западном фронтах во время советско-польской войны, с прямой целью поражения Красной Армии и отрыва УССР и БССР.

3. Массовая фашистско-националистическая работа среди польского населения СССР в целях подготовки базы и местных кадров для диверсионно-шпионских и повстанческих действий.

4. Квалифицированная шпионская работа в области военной, экономической и политической жизни СССР, при наличии крупнейшей стратегической агентуры и широкой средней и низовой шпионской сети.

5. Диверсионно-вредительская работа в основных отраслях оборонной промышленности, в текущем и мобилизационном планировании, на транспорте, в сельском хозяйстве; создание мощной диверсионной сети на военное время как из числа поляков, так и, в значительной степени, за счет различных непольских элементов.

6. Контактирование и объединение диверсионно-шпионских и иных активных антисоветских действий с троцкистским центром и его периферией, с организацией правых предателей, с белорусскими и украинскими националистами на основе совместной подготовки свержения советской власти и расчленения СССР.

7. Прямой контакт и соглашение с руководителем военно-фашистского заговора предателем Тухачевским в целях срыва подготовки Красной Армии к войне и для открытия нашего фронта полякам во время войны.

8. Глубокое внедрение участников организации в компартию Польши, полный захват в свои руки руководящих органов партии и польской секции ИККИ, провокаторская работа по разложению и деморализации партии, срыв единого и народного фронта в Польше, использование партийных каналов для внедрения шпионов и диверсантов в СССР, работа, направленная на превращение компартии в придаток пилсудчины с целью использования ее влияния для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР.

9. Полный захват и парализация всей нашей разведывательной и контрразведывательной работы против Польши и систематическое использование проникновения членов организации в ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупр РККА для активной антисоветской работы.

Основной причиной безнаказанной антисоветской деятельности организации в течение почти 20 лет является то обстоятельство, что почти с самого момента возникновения ВЧК на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы — Уншлихт, Мессинг, Пилляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК-ОГПУ-НКВД.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДЫ ВНЕДРЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ АГЕНТУРЫ В СССР

«Польская организация войскова» возникла в 1914 г. по инициативе и под личным руководством Пилсудского как националистическая организация активных

сторонников борьбы за независимость буржуазной Польши, вышколенных в боевых организациях польской социалистической партии (ППС), на которую, главным образом, опирался Пилсудский, и в специальных военных школах, создававшихся им для подготовки костяка будущей польской армии.

Эти школы создавались Пилсудским в 1910—1914 гг. в Галиции, где они носили полуконспиративный характер и пользовались субсидиями и практическим содействием со стороны разведывательного отдела австро-венгерского генерального штаба. Еще до империалистической войны в распоряжении Пилсудского находился ряд офицеров австро-венгерской разведывательной службы, обучавших пилсудчиков военному делу, а также технике разведки и диверсии, так как кадры, образовавшие несколько позднее «ПОВ», предназначались для действий в союзе с австро-германской армией на тылах русских войск и для комплектования польских легионов в предвидении войны с царской Россией.

Поэтому уже тогда, помимо территории царской Польши, члены «ПОВ» посылались в Россию, вербовались здесь на месте, исходя из принципа создания своих организаций где только можно, преимущественно в крупных городах, для учета и мобилизации своих людей в целях связи и разведки.

Одновременно «ПОВ» являлась орудием для политической мобилизации Пилсудским сил, участвующих под его руководством в борьбе за независимость Польши. В связи с этим «ПОВ» тайно проникла во все польские политические партии — от крайних левых до крайних правых, всюду вербуя активных деятелей этих партий в свои ряды на базе признания непререкаемости автори-

тета и личной воли Пилсудского и идеи борьбы за великодержавную Польшу в границах 1772 г.

По этой линии «ПОВ» еще с довоенных лет накапливала богатую практику внутрипартийной и межпартийной провокации, являющейся основным методом пилсудчины в ее борьбе с революционным движением.

Во главе «ПОВ» тогда находился центральный штаб, носивший название «Коменда начельна» (сокращенно — «КН»), который руководил деятельностью местных пилсудчиковских организаций, носивших то же название, с добавлением порядкового номера, например, в Белоруссии — «КН-1», на Украине — «КН-3» и т.д. Каждая из этих местных «коменд» представляла собой областной территориальный округ «ПОВ», делящийся на местные комендатуры «ПОВ», количество которых на данной территории определялось в зависимости от местных условий и задач, преследуемых пилсудчиной в данном районе.

В конце 1918 г. в связи с образованием Польши, возглавленной Пилсудским как единоличным диктатором со званием «начальника государства», главное командование «ПОВ» в полном составе влилось в генеральный штаб Польши и образовало разведывательный отдел штаба.

В период временного отстранения Пилсудского от власти в Польше (1922—1926) главное командование «ПОВ», в целом устраненное тогда эндеками из правительственных органов Польши и только частично сохранившее все влияние в разведывательном отделе генерального штаба, продолжало свою диверсионно-разведывательную работу на территории СССР независимо от официальных органов польской разведки и подготавливало новый приход к власти Пилсудского.

После так называемого майского переворота 1926 г., снова приведшего Пилсудского к власти, руководящая головка и актив «ПОВ» заполнили собой всю государственную верхушку и фашистский правительственный аппарат Польши; значительная же часть актива «ПОВ» сохранилась в подполье для борьбы с революционным движением в Польше методами провокации и революционной инспирации, а также, главным образом, для нелегального внедрения различными путями в СССР.

Деятельность конспиративной организации Пилсудского на нашей территории значительно активизируется в 1917 г., когда в связи с событиями империалистической войны в различных пунктах нашей страны скопились значительные квалифицированные кадры приближенных Пилсудского из среды военнопленных легионеров (легионы Пилсудского, сформированные «ПОВ», входили в состав австро-венгерской армии) и беженцев с территории царской Польши, оккупированной тогда немцами.

Таким образом, уже ко времени Октябрьской революции Пилсудский имел в России значительные кадры участников «ПОВ» как из среды местного польского населения, так, главным образом, из среды поляков, эвакуированных из Польши.

Поскольку, однако, основные кадры «ПОВ» времен империалистической войны состояли из людей, более или менее известных своими открытыми польско-патриотическими убеждениями, и учитывая победоносный рост влияния большевистской партии, Пилсудский летом 1917 г. предпринял специальные вербовочные меры для проникновения в РСДРП (большевиков). В этих целях, по личному указанию Пилсудского, его приближенные развернули широкую

вербовочную работу среди польских социалдемократов и в ППС-левице, позднее слившихся и образовавших компартию Польши.

В течение 1917 г. находившиеся тогда в Москве и Петрограде, члены центрального руководства «ПОВ» — Пристор (впоследствии польский премьер-министр) Пужак (секретарь ЦК МПС), Маковский (член московского комитета ППС, впоследствии пом.нач. КРО ОГПУ и резидент ИНО ОГПУ по Польше), Голувко, Юзефовский (волинский воевода), Матушевский (позднее начальник 2-го отдела польского генерального штаба) — вовлекли в «ПОВ» ряд польских социал-демократов и членов ППС-левицы, проникших позднее на видные посты в советский государственный аппарат: Уншлихта (быв. зам. пред. ОГПУ и РВС), Лещинского (секретарь ЦК Компартии Польши), Долецкого (руководитель ТАСС), Бронковского (зам. нач. Разведупра РККА), Муклевича (нач. морских сил РККА, зам. наркома оборонной промышленности), Лонгву (комкор., нач. управления связи РККА) и ряд других, образовавших в 1918 г. московский центр «ПОВ» и возглавивших руководство всей деятельностью «ПОВ» на территории СССР.

Одновременно, в начале 1918 г., Пилсудский дал директиву ряду персонально подобранных членов «ПОВ», состоявших в ППС и находившихся в СССР, внедриться в советский государственный аппарат посредством инсценировки своего разрыва в ППС и перехода на советские позиции. К числу таким способом внедрившихся в советскую систему польских агентов относятся: бывший член Московского комитета ППС Логановский М.А. (перед арестом зам. парткома пищевой промышленности), Маковский, Вой-

тыга (проникшие в КРО и ИНО ОГПУ-НКВД), Баранский (начальник отделения ИНО ОГПУ-НКВД) и ряд других.

Стремясь захватить в свои руки нашу разведывательную и контрразведывательную работу против Польши, Пилсудский, наряду с внедрением в ВЧК указанных выше членов «ПОВ», предпринимает в течение 1919—1920 гг. и в последующее время ряд мер к внедрению в ВЧК высококвалифицированных кадровых разведчиков — офицеров 2-го отдела польского главного штаба, которые, при содействии Уншлихта, Пиляра, Мессинга, Медведя и других крупных польских агентов, проникли на руководящие должности в советской разведке и контрразведке.

Так, И.И.Сосновский (перед арестом зам. нач. Управления НКВД по Саратовской области), являвшийся в 1919 г. эмиссаром Пилсудского и резидентом 2-го отдела польского главного штаба на территории Советской России, получил тогда директиву начальника 2-го отдела майора Матушевского внедриться в аппарат ВЧК. Используя свой арест особым отделом ВЧК летом 1920 г., Сосновский, при содействии Пиляра, инсценировал свой разрыв с польской разведкой и «ПОВ», руководящим деятелем которой он являлся, выдал с разрешения 2-го отдела ПГП ничтожную часть своей сети и внедрился на работу в центральный аппарат ВЧК. Вскоре же Сосновскому удалось внедрить в ВЧК целую группу крупных польских офицеров-разведчиков: подполковника 2-го отдела польгенштаба Витковского (занимавшего должность начальника польского отделения особого отдела ВЧК, перешедшего затем на работу в Наркомтяжпром), Кияковского (нач. англо-романского отделения КРО

ВЧК), Роллера (перед арестом — нач. Особого отдела Сталинградского края), Бжезовского (зам. нач. Особого отдела Украины) и др.

Ряд других членов «ПОВ», начиная с Бронковского, проникшего при содействии Уншлихта на должность зам. нач. Разведупра РККА, внедрились во всю систему Разведупра, захватили в свои руки и парализовали всю разведывательную работу против Польши (Будкевич — нач. отдела и заграничный резидент), Жбиковский, Шеринский, Фирин, Иодловский, Узданский, Максимов и др.

Одним из видов использования этих крупных польских шпионов на заграничной работе ИНО и Разведупра была широкая подставка двойников в состав наших резидентур за границей. В дальнейшем посредством инсценировок провалов подставленные разведкой двойники перебрасывались в СССР для шпионско-диверсионной работы.

На ответственные руководящие посты в Красной Армии в разное время проникли и работали польские агенты: Уншлихт — зам. пред. РВС, Муклевич — нач. морских сил, Лонгва — нач. Управления связи РККА, Коханский — комкор, Козловский — комиссар ряда частей и многие другие польские агенты, проникшие в самые различные части РККА.

Основной кадр польских агентов, проникших в Наркоминдел, создал работавший в нем в период 1925—1931 гг. Логановский, причем и здесь польская агентура концентрировалась на участке работы НКВД, связанной с Польшей (референтами по Польше были шпионы Морштын, Кониц), и ряде других важнейших направлений (полпред Бродовский, полпред Гайкис, полпред Карский).

Захватив с давних пор руководящие органы компартии Польши и польскую секцию ИККИ в свои руки, «ПОВ» систематически перебрасывала своих участников — шпионов и диверсантов в СССР под видом политических эмигрантов и обмениваемых политзаключенных, специально инсценируя аресты и осуждения членов «ПОВ», проникших в компартию.

Независимо от «ПОВ» метод переброски шпионов в СССР под видом политэмигрантов широко использовался польской политической полицией (дефензивой), имеющей в компартиях Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии значительные по количеству кадры своей провокаторской агентуры из среды польских, белорусских, украинских националистов, проникших в различные революционные организации.

Одновременно различные органы польской разведки (преимущественно местные аппараты 2-го отдела польглавштаба — виленская и львовская экспозитуры, пограничные разведывательные пункты-разведп-лящувки, политическая полиция тыловых и пограничных районов Польши) систематически, в массовом масштабе, перебрасывают в СССР шпионов и диверсантов под видом перебежчиков.

Преступные цели своего прибытия в СССР эти «перебежчики» прикрывали различными мотивами и предложениями (дезертирство с военной службы, бегство от полицейского преследования, от безработицы — в поисках заработка, для совместного проживания с родственниками и т.д.).

Как сейчас выясняется, польские шпионы и диверсанты, перебрасываемые в СССР под видом перебежчиков, несмотря на наличие у них самостоятель-

ных путей связи с Польшей, в ряде случаев связывались на нашей территории с участниками «ПОВ», действовали под их руководством, а масса перебежчиков в целом являлась для организации источником активных кадров.

Ряд квалифицированных польских шпионов, переброшенных в СССР под видом перебежчиков — солдат, дезертировавших из польской армии, оседали в Саратовской области, где действовали польские агенты Пиляр и Сосновский.

Политэмигранты и перебежчики образуют костяк диверсионной сети поляков в промышленности и на транспорте, комплектуя диверсионные кадры из среды местных националистов-поляков и, что наиболее важно, за счет самых различных непольских, глубоко законспирированных антисоветских элементов.

Организацию «ПОВ» на Украине возглавлял Лазоверт (Госарбитр УССР), под руководством которого находился частично ликвидированный в 1933 г. центр «ПОВ» на Украине (Скарбек, Политур, Вишневецкий), а в Белоруссии — Бенек (наркомзем БССР), который, также как и Лазоверт, являлся участником московского центра «ПОВ» с 1918 г.

ПОДГОТОВКА АНТИСОВЕТСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

Первый этап активной деятельности «ПОВ» в Советской России включает в себя действия, направленные в начале 1918 г. к срыву Брестского мира и подготовке вместе с бухаринцами и левыми эсерами антисоветского переворота, с целью втянуть Советскую Россию в продолжение войны с Германией, поскольку к тому времени Пилсудский уже переориен-

тировался на Атланту и направлял деятельность своих организаций по директивам французского штаба.

Члены организации — Уншлихт, Лещинский и Долецкий, вместе с Бухариным и левыми эсерами разработали план ареста Совнаркома во главе с Лениным. В этих целях Пестковский, по поручению Уншлихта, установил связь с представителем французской разведки в Москве генералом Лявернь и руководством левых эсеров; Бобинский сколачивал вооруженные отряды для участия в левоэсеровском восстании; в польских частях, сохранившихся от времени Керенского, велась работа по подготовке их провокационного военного выступления против немецких войск на демаркационной линии.

Потерпев неудачу в осуществлении плана антисоветского переворота и возобновления войны с Германией, московская организация «ПОВ», действуя по директивам Лявернья и нелегально прибывшего на советскую территорию адъютанта Пилсудского — видного члена «ПОВ» Венявы-Длугошевского, переключилась на подготовку интервенции против Советской России, создавая под видом формирования польских частей Красной Армии свою вооруженную силу.

Сформированная в конце 1918 г. так называемая Западная стрелковая дивизия, укомплектованная преимущественно поляками, была в своей командной головке целиком захвачена членами «ПОВ» (комдивы Маковский и Лонгва, комиссары Лазоверт и Славинский, комбриги Маевский и Длусский, комиссары бригад Сцибор, Грузель и Черницкий, командиры полков, — все без изъятия были членами «ПОВ»), создававшими группы «ПОВ» в различных частях дивизии.

ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ РАБОТА В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Основным полем деятельности московской организации «ПОВ» с начала 1919 г. становится Западный фронт, где организация, используя пребывание ряда своих участников на руководящих постах в штабе фронта (Уншлихт — член РВС фронта, Муклевич — комиссар штаба фронта, Сташевский — начальник разведывательного отдела штаба фронта, Будкевич — комиссар штаба 16-й армии), в Особом отделе фронта (Медведь, Ольский, Поличкевич, Чацкий), в правительственных органах Белоруссии (Циховский — председатель ЦИКа Литбелреспублики), широко развернула работу, направленную к поражению Красной Армии и облегчению захвата поляками Белоруссии.

Первым, наиболее крупным актом деятельности организации на фронтах была сдача Вильно полякам, совершенная Уншлихтом, захватившим в свои руки руководство обороной Литбелреспублики.

В различных частях Западного фронта организация сконцентрировала значительное количество своих сторонников, собрав их из различных местностей страны, под видом мобилизации поляков-коммунистов на фронт, насадила своих людей в различные советские учреждения фронта и возглавила работу местной организации «ПОВ» в Белоруссии («КН-1»), созданной поляками независимо от московского центра.

В дальнейшем, во время советско-польской войны, организация под руководством Уншлихта не только снабжала польское командование всеми важнейшими сведениями о планах и действиях нашей армии на Западном фронте (Уншлихт передал полякам план

наступления на Варшаву), но проводила планомерную работу по влиянию на оперативные планы фронта в нужном для поляков направлении и развернула широкую диверсионно-повстанческую работу на тылах Западного фронта.

В свете установленных сейчас следствием фактов совершенно несомненно, что ликвидируемая организация «ПОВ» во главе с Уншлихтом сыграла крупную роль в деле срыва наступления Красной Армии на Варшаву.

ФАШИСТСКАЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР

В период гражданской войны, наряду с диверсионно-повстанческой деятельностью, широкую националистическую работу среди местного польского населения вели созданные независимо от московского центра «ПОВ» местные организации «ПОВ» в Белоруссии («КН-1»), на Украине («КН-3»), в Сибири и др. местах.

После окончания советско-польской войны, местные организации «ПОВ» перестраиваются в соответствии с условиями мирного времени, и руководство всей их антисоветской деятельностью сосредотачивается в московском центре «ПОВ», который развернул широкую, ведущуюся до сих пор, фашистскую националистическую работу среди польского населения СССР.

Особенно активно с конца 1920 г. начинается широкое внедрение польской агентуры на руководящие посты всей системы партийно-советских учреждений по работе среди польского населения СССР и использование этой системы для проведения работы «ПОВ».

Члены «ПОВ» Гельтман и Нейман проникают на должности секретарей польбюро при ЦК ВКП(б), Вноровский, Вонсовский, Мазепус — в польбюро ЦК КП(б) Белоруссии, Скарбек, Лазоверт и другие — в польбюро ЦК КП(б) Украины, Домбаль — редактором газеты «Трибуна Радзецка» в Москве, Принц и Жарский — редакторами польской газеты в Минске, другие члены «ПОВ» захватывают руководство в редакциях польских газет на Украине, в польсекциях Наркомпросов, польские издательства, техникумы, школы и клубы в различных местностях СССР.

Пользуясь по своему служебному положению правом распределения кадров, Гельтман и Нейман направляли из Москвы членов «ПОВ», прикрывавшихся партбилетами, на партийную, культурно-просветительную, педагогическую, хозяйственную работу в самые различные районы СССР, где только есть польское население, не только на Украину, в Белоруссию и Ленинград, но и на Урал, в Сибирь, ДВК — где польская разведка ведет активную, не вскрытую до сих пор работу в контакте с японской разведкой.

Свое внедрение в эту систему партийно-советских учреждений организация активно использовала для создания местных низовых групп «ПОВ» и разворачивания широкой шовинистической и полонизаторской работы, продолжающейся до сих пор и имеющей своей целью подготовку прежде всего диверсионно-повстанческих кадров и вооруженных антисоветских выступлений на случай войны.

Эти же цели преследовались созданием под воздействием «ПОВ» польских национальных сельсоветов и районов в пограничной полосе, зачастую в местностях с меньшинством польского населения, что

также обеспечивало «ПОВ» одну из возможностей полонизаторской работы среди украинцев и белоруссов — католиков.

Свое проникновение в систему советско-партийных учреждений по работе среди польского населения «ПОВ» широко использовала для проведения всесторонней шпионской работы через свою массовую агентуру в различных местностях страны.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКОЙ ТРОЦКИСТСКОЙ И ИНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В своей практической диверсионной, шпионской, террористической и пораженческой работе на территории СССР польская разведка широко использует прежде всего троцкистских наймитов и правых предателей.

В 1931 г. Уншлихт и Муклевич, связавшись с антисоветским троцкистским центром, в лице Пятакова, а затем и с Каменевым, договорились с ними о совместной вредительской подрывной работе членов «ПОВ» и троцкистов-зиновьевцев в народном хозяйстве страны и, в частности, в военной промышленности.

В сентябре 1932 г. Уншлихт вошел в контакт также с центром правых предателей, получив согласие Бухарина на объединение диверсионно-вредительской работы правых и «ПОВ».

Наконец, в 1933 г. с ведома Пятакова, Уншлихт связывается с изменником Тухачевским, получает от него информацию о его сношениях с германскими фашистами и договаривается с ним о совместных действиях, направленных к ликвидации советской власти и реставрации капитализма в СССР. Уншлихт до-

говорился с Тухачевским о снабжении последним польской разведки важнейшими шпионскими сведениями по РККА и об открытии полякам нашего Западного фронта в случае войны.

Все местные организации «ПОВ» вели антисоветскую работу в теснейшей связи с троцкистами, правыми и различными антисоветскими националистическими организациями на Украине, в Белоруссии и др. местах.

ШПИОНСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В СССР

Независимо от шпионской работы своей низовки, московский центр «ПОВ» осуществлял вплоть до ликвидации систематическое снабжение польской разведки всеми важнейшими сведениями о военном, экономическом и политическом положении СССР, включая оперативно-мобилизационные материалы штаба РККА, к которым Уншлихт, Муклевич, Будкевич, Бронковский, Лонгва и другие участники московского центра имели доступ по своему служебному положению.

Параллельно этому московским центром «ПОВ» и резидентами 2-го отдела ПГШ велась крупная вербовка шпионов из среды непольских элементов. Уншлихт, например, в 1932 г. завербовал для польской разведки начальника Артиллерийского управления РККА Ефимова и получал от него исчерпывающие сведения о состоянии артиллерийского вооружения Красной Армии. Другой участник московского центра «ПОВ» — Пестковский провел ряд вербовок в Коминтерне, научных институтах и других учреждениях, причем вербовал большей частью неполяков непосред-

ственно для польской разведки, как таковой, и только в некоторых случаях прямо в «ПОВ», поскольку варшавский центр санкционировал организацию включать в отдельных случаях в «ПОВ» также и непольские элементы (русских, украинцев). Крупную шпионскую сеть в Наркоминделе создал Логановский.

Особенно большую вербовочную работу провели резидент 2-го отдела ПГШ И. Сосновский и его заместитель по резидентуре подполковник 2-го отдела В. Витковский.

Сосновский завербовал и использовал для польской разведки пом. нач. Разведупра РККА Карина (оказавшегося немецким агентом с 1916 г.), пом. нач. Разведупра РККА Мейера, помощника прокурора СССР Прусса, зам. нач. Дмитровского лагеря НКВД Пузицкого и ряд других лиц, занимавших ответственные должности в РККА, ОГПУ-НКВД и центральных правительственных учреждениях.

В. Витковский, внедренный Сосновским в ВЧК в 1920 г., был позднее переброшен для шпионской работы на транспорте и руководящих органах народного хозяйства, где он ко времени ареста создал крупную диверсионно-шпионскую сеть, состоявшую преимущественно из специалистов.

Серьезным каналом проникновения в Красную Армию польской шпионской агентуры, сохранившейся в ней до сих пор, была существовавшая в Москве с 1920 по 1927 г. так называемая школа Красных коммунаров (именовавшаяся перед расформированием объединенной военной школой им. Уншлихта).

Эта военная школа, особенно в первый период своего существования, комплектовалась за счет поляков,

направляющихся в нее, главным образом, польским бюро при центральных и местных партийных органах.

Проникшие в польбюро члены «ПОВ» направляли в школу участников организации, а также кадровых агентов польской разведки, оставшихся в СССР под видом не желающих возвращаться в Польшу военнопленных периода советско-польской войны или прибывших под видом перебежчиков; в самой же школе существовала крепкая группа «ПОВ», проводившая самостоятельную вербовочную работу.

Школа готовила командный состав пехотной, кавалерийской и артиллерийской специальностей, направлявшийся в самые различные части РККА, куда, естественно, попадали и оканчивавшие школу польские шпионы.

Связь с Варшавой осуществлялась организацией регулярно, с применением самых различных и многообразных способов.

В СССР систематически приезжали видные представители варшавского центра «ПОВ» и 2-го отдела Польглавштаба, которые связывались здесь с Уншлихтом, Пестковским, Сосновским, Витковским, Бортовским и др.

Эти представители приезжали в СССР под разными официальными предлогами (в качестве дипкурьеров, для ревизий польских дипучреждений, по коммерческим делам), под личными прикрытиями (в качестве туристов, для свидания с родственниками, транзитом, а также нелегально). Специально для постоянной связи с Сосновским и Ольским в составе польского военного атташата в Москве находились

командированные из Варшавы приближенные к Пилсудскому офицеры 2-го отдела ПГШ Ковальский и Кобылянский, встречи с которыми были легализованы путем проведения фиктивных вербовок их Ольским и Сосновским для О ГПУ.

Ряд членов организации имел конспиративную связь с польским военным атташатом в Москве и другими членами посольской резидентуры (Висляк, Будкевич, Домбал, Науискайтис, Кобиц и др.).

Другие участники «ПОВ», пробравшиеся на должности, дававшие им возможность официальных встреч с составом иностранных посольств, пользовались этими встречами для разведывательной связи (Логановский — на официальных приемах, Морштын — по работе в НКВД, Пестковский — в различных польско-советских комиссиях и т.д.).

Члены организации, находившиеся на заграничной советской официальной или негласной работе, связывались там с представителями «ПОВ» и 2-го отдела ПГШ (Логановский, Баранский и др. в Варшаве, Боржозовский Г. — в Финляндии, Чехословакии и Японии, Лещинский — в Копенгагене, Будкевич — во Франции и т.д.).

Наконец, у ряда крупных резидентов (Сосновский, Пестковский) существовали сложные шифры и пароли для связи.

Через все эти каналы связи в Варшаву систематически передавались все добываемые шпионские сведения и информация о деятельности организации, а из главного центра «ПОВ» и 2-го отдела ПГШ получались денежные средства и директивы о направлении активной деятельности организации.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ И ДИВЕРСИОННАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

Сразу же после окончания гражданской войны польская разведка через московский центр «ПОВ» и подругам параллельным линиям начала вредительскую работу, направленную в первый период к срыву восстановления промышленности СССР.

В 1925 г. приехавший в Москву представитель варшавского центра «ПОВ» М.Сокольниковский передал Уншлихту директиву об усилении вредительской работы, дополненную вскоре указанием о переходе к диверсионным действиям.

В соответствии с этими директивами московский центр «ПОВ» развернул и осуществлял вплоть до своей ликвидации широкую диверсионно-вредительскую деятельность, направленную к подрыву обороноспособности СССР.

Ряд виднейших членов «ПОВ» был внедрен в руководящие органы РККА и РККФ, а также в гражданские учреждения, ведавшие вопросами обороны страны (штат РККА, Управление военно-морских сил, сектора обороны, транспорта и металлургии Госплана СССР, Главморпром и др.).

В 1925 г. при штабе РККА был сформирован военно-экономический отдел Мобилизационного управления.

На руководящую работу в этот период был внедрен член «ПОВ» Ботнер С., являвшийся одновременно участником действовавшей на военно-научном участке польской шпионско-вредительской группы Горбатьюка.

Совместно с последним Ботнер С.О. развернул в Мобупре штаба РККА серьезную вредительскую ра-

боту, рассчитанную на подготовку поражения Советского Союза в предстоящей войне.

Так, при разработке мобилизационных проблем, группа посредством перенесения центра внимания на вопросы обеспечения тыла вредительски срезала заявки самой армии на военное время как якобы завышенные. Сроки мобилизационного развертывания промышленности удлиннялись до года и более, что, по существу, оставляло ряд предприятий неподготовленными к обороне. Разрешение вопросов обеспечения Красной Армии военной техникой и усовершенствования последней — систематически срывались.

В 1927 г. был создан сектор обороны Госплана СССР, которому принадлежит крупнейшая роль в деле подготовки обороны страны, мобилизации промышленности и транспорта.

Чтобы захватить в свои руки этот важнейший участок, московский центр «ПОВ» внедрил на руководящую работу в сектор обороны Госплана сначала упомянутого выше Ботнера, а затем, при его и Уншлихта содействии, туда проникли члены «ПОВ»: Колесинский В.А., Муклевич Анна, Шеринский Заслав и др., а в 1931 г. и сам Уншлихт, занимавший пост зам. председателя Госплана СССР. Эти лица, в свою очередь, вовлекли вновь в организацию ряд ответственных работников сектора обороны.

В своей практической деятельности организация стремилась прежде всего подорвать развитие военной промышленности.

Первоначально члены организации открыто выступали против строительства военных заводов под прикрытием того, что это дорого и непосильно, вре-

дительно рекомендует военное производство налаживать в гражданской промышленности.

В этой своей деятельности Уншлихт, Колесинский, Ботнер и другие блокировались с антисоветской троцкистской группировкой Смилги в ВСНХ.

В дальнейшем от рискованных открытых выступлений против военного строительства организация перешла к более замаскированным методам подрыва советской оборонной базы.

При проработке в секторе обороны Госплана СССР планов капитального строительства военной промышленности члены организации умышленно распыляли средства по многим строительным объектам и не обеспечивали нужными средствами решающие стройки. В результате строительство военных заводов растягивалось на длительные сроки, создавалась некомплектность в мощности отдельных цехов, поощрялась практика беспроектного строительства.

В этом отношении особенно характерен срыв строительства и реконструкции снарядных заводов, направленный в сочетании с другими вредительскими действиями к созданию «снарядного голода» на время войны.

В ряде районов, например, на Урале, были построены только снарядные заводы, снарядные же отсутствовали. Это приводило и приводит к тому, что производство корпусов снарядов находится на расстоянии нескольких тысяч километров от мест, где они могут получить снаряжение. В тех же случаях, когда строительство снарядных заводов все-таки велось, разворот его сознательно тормозился, а обслуживающее снарядные заводы хозяйство (вода, пар, энергия, канализация) дезорганизовывалось.

Также намеренно срывалось строительство и реконструкция заводов производства корпусов снарядов. Уншлихт, Колесинский, Ботнер в практическом контакте с троцкистской организацией в промышленности (Пятаков, Смилга, Ерман, Крожевский) намеренно запутывали мощность этих заводов, затягивали их строительство и реконструкцию.

Аналогичное положение имело место и с производством порохов. При проработке в секторе обороны Госплана плана строительства новых пороховых заводов, Уншлихт, Колесинский, Ботнер принимали и проводили в жизнь вредительские установки Ратайчака, в частности расчеты мощностей по устаревшим нормам. Одновременно с этим вредительство шло по линии задержки строительства новых объектов (например, Алексинского порохового комбината Московской области), дезорганизации обслуживающего хозяйства пороховых заводов и срыва реконструкции старых пороховых заводов (Казанского № 40, им. Косякова № 44 и др.).

По линии планирования же организация проводила умышленное занижение планов потребности в металлах для военных заказов, давала ложные, заведомо преуменьшенные сведения о производственных мощностях военной промышленности, доказывая, что планы заказов военведа для военной промышленности невыполнимы, и максимально сокращала мобилизационные заказы военведа и НКПС, в результате чего из года в год росло невыполнение программ оборонного строительства и недобор мобилизационных запасов.

Планы обеспечения мобилизуемой промышленности рабочей силой вовсе не разрабатывались в течение ряда лет.

Несмотря на дефицит в обеспечении военных производств цветными металлами в военное время, мероприятия по замене цветных металлов тормозились так же, как и развитие промышленности редких металлов.

Отдельные участки мобилизационной подготовки в секторе обороны Госплана СССР намеренно оставались заброшенными, в частности мобилизационная подготовка в области здравоохранения и в области сельского хозяйства.

Лично Уншлихт, при помощи завербованного им для польской разведки троцкиста Епифанова, провел значительную вредительскую работу в транспортном секторе Госплана СССР.

Эти вредительские действия были направлены к дезорганизации завоза сырья на заводы, срыву выпуска готовой продукции и осуществлялись путем установления намеренно заниженных норм и показателей. Необходимый ремонт транспорта систематически срывался путем урезки заявок НКПС на металл. Ликвидация узких мест транспорта искусственно тормозилась путем вредительского распределения ассигнований при утверждении титульных списков капитальных работ на транспорте.

План мобилизационных перевозок на железнодорожном транспорте в течение длительного периода времени составлялся так, что с объявлением войны хозяйственные перевозки должны были почти вовсе прекратиться, что означало срыв мобилизации промышленности и нормальной жизни тыла страны.

Серьезнейшая вредительско-диверсионная работа была проведена в системе военно-морского флота и Главморпрома одним из руководителей «ПОВ» Муклевичем Р.А.

С момента своего назначения начальником морских сил РККФ в 1925 г., Муклевич начал энергично сколачивать антисоветские кадры для использования их в работе «ПОВ».

Муклевич привлек к вредительской работе своего заместителя зиновьевца Куркова П.И., входившего в антисоветскую организацию в морском флоте и через него использовал эту группировку в интересах «ПОВ».

Вредительская работа Муклевича во флоте началась с торможения строительства торпедных катеров, сторожевых кораблей и первой серии подводных лодок. Проектирование этих судов Муклевич поручил Игнатьеву, возглавлявшему группу вредителей в научно-техническом комитете. Утвержденные Реввоенсоветом сроки проектирования и строительства этих судов самовольно нарушались и изменялись. Заложенные на стапелях суда по несколько раз расклепывались и перекладывались заново. Заказы на оборудование размещались несвоевременно и некомплектно.

Перейдя в 1934 г. на должность начальника Главморпрома, Муклевич и там сформировал вредительско-диверсионную организацию, не теряя одновременно контакта с антисоветской организацией в РККФ.

Во вредительскую организацию в системе морского судостроения Муклевич вовлек более 20 руководящих работников судостроительной промышленности из числа троцкистов, зиновьевцев и антисоветски настроенных специалистов. С их помощью Муклевич развернул широкую вредительскую и диверсионную деятельность в Главморпроме и на заводах судостроительной промышленности.

В результате этой деятельности задержаны строительство и сдача военведу ряда судов и подводных лодок. В частности, путем задержки производства дизелей сорвана сдача в текущем году подводных лодок для Дальнего Востока. В подлодке «Малютка» вредительски увеличен габарит, лишаящий возможности перевозить ее по железной дороге. Сорвано строительство серийных эсминцев. На лидерах-эсминцах корпус корабля сделан слишком легким, что мешает использованию кормовой артиллерии. На крейсерах зенитная артиллерия размещена так, что не может быть одновременно введена в бой. Сорвана подготовка стапелей для закладки линкоров на Николаевских заводах.

По договоренности с антисоветской организацией в РККФ испытание уже готовых кораблей систематически тормозилось, и они не вводились в строй.

Наряду с широким вредительством Муклевич подготовлял и диверсионные акты.

Так, в частности, по указанию Муклевича члены организации в промышленности морского судостроения Стрельцов и Бродский должны были организовать вывод из строя больших стапелей Балтийского судостроительного завода. Эту диверсию намечено было осуществить либо путем устройства замыкания электрических проводов, которые в большом количестве имеются на окружающих стапеля лесах, либо путем организации взрыва. Однако осуществить эту диверсию Муклевичу не удалось.

Также подготовлялся вывод из строя ряда крупных военных заводов в Ленинграде, в том числе часть агрегатов Кировского завода, помощник директора которого, Лео Марковский, также являлся членом «ПОВ».

Диверсионные группы на крупнейших авиационных (завод №22, Пермский авиазавод и др.) и артиллерийских заводах (им. Молотова, «Баррикады», Тульский, киевский «Арсенал»), в химической промышленности были созданы Логановским, Будняком, Артамоновым, Баранским и др.

Крупнейшую базу для диверсионной сети в промышленности составляют перебежчики и эмигранты из Польши, осевшие преимущественно на Урале и в Сибири. Поскольку, однако, за последние годы велась чистка основных оборонных предприятий от этих категорий, польская разведка и «ПОВ» в целях создания особо законспирированной диверсионной сети вербовала различные непольские элементы, работающие в оборонной промышленности и не разоблаченные до сих пор.

Диверсионная работа польской разведки на транспорте концентрировалась преимущественно на железных дорогах западного театра войны и Сибирской магистрали, главным образом на Уральском участке, с целью отрезать Дальний Восток от центральной части Союза. Однако вскрытие польских диверсионных групп на транспорте до сих пор совершенно не развернуто.

В ряде случаев, в целях проверки готовности созданной на военное время диверсионной сети, организация производила в ряде мест диверсионные акты.

Так, участник организации «ПОВ» в Днепропетровской области Вейхт, по директиве украинского центра «ПОВ», произвел диверсионный акт на Каменской электростанции, при котором станция была полностью уничтожена.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ

По директивам из Варшавы Уншлихт, Пестковский, Маковский, Домбаль, Висляк, Матушевский и другие, вместе с троцкистами, вели подготовку центральных террористических актов.

Так, например, Матушевский создал в аппарате московской милиции группу «ПОВ», вовлек в нее вместе с Шипровским (быв. секретарь парткома милиции) большое количество работников милиции (в том числе и не поляков), проводивших свою подрывную деятельность на различных участках милицейской службы (наружная служба, связь, охрана метро, комвуз милиции).

По директивам Домбаля, Матушевский и Шипровский готовили центральные террористические акты, используя нахождение участников группы на охране объектов, посещаемых членами правительства.

Завербованный Сосновским в Саратове польский агент Касперский (редактор областной газеты «Коммунист») входил в состав троцкистской организации, был связан с саратовским краевым троцкистским центром и, наряду с участием в его диверсионно-вредительской работе (диверсионная группа на заводе комбайнов, заводе свинцовых аккумуляторов — 195 и др.), включился в подготовку центральных террористических актов.

В деловом контакте с краевым троцкистским центром находились также Сосновский и Пиляр, сам участвовавший в подготовке террористических актов.

Саратовская группа «ПОВ», через того же Касперского, находилась в связи с антисоветской организацией правых в Саратове.

Ликвидируемый сейчас филиал «ПОВ» в Днепропетровской области вел подготовку центральных терактов совместно с троцкистско-эсеровской организацией в Днепродзержинске, с которой контактировал также свою диверсионно-вредительскую работу.

Наряду с террористической работой в настоящее время московский центр «ПОВ» имел директиву подготовить ряд боевых групп для совершения центральных террористических актов в момент военного нападения на СССР.

Работу по созданию таких групп вел член московского центра «ПОВ» Пестковский.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ И КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

После окончания советско-польской войны, основной кадр организации возвращается в Москву и, используя пребывание Уншлихта на должностях зампреда ВЧК-ОГПУ, а затем зампреда РВС, разворачивает работу по захвату под свое влияние решающих участков деятельности ВЧК-ОГПУ (Пиляр — нач. КРО ВЧК, Сосновский и его группа в КРО ВЧК, Ольский — пред. ГПУ Белоруссии, Ихновский — нач. ЭКУ ОГПУ, Медведь — председатель МЧК, позднее сменил Мессинга на посту ПП ОГПУ в ЛВО, Логановский, Баранский и ряд других в системе И НО ВЧК-ОГПУ-НКВД) и Разведупра РККА (Бортновский и др.).

Работа организации в системе ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупре РККА в течение всех лет направлялась, в основном, по следующим линиям:

1. Полная парализация нашей контрразведывательной работы против Польши, обеспечение безнаказан-

ной успешной работы польской разведки в СССР, облегчение проникновения и легализации польской агентуры на территорию СССР и различных участках народно-хозяйственной жизни страны.

Пиляр, Ольский, Сосновский и другие в Москве, Белоруссии, Мессинг, Медведь, Янишевский, Сендзиковский и другие в Ленинграде — систематически срывали мероприятия наших органов против польской разведки, сохраняли от разгрома местные организации «ПОВ», предупреждая группы и отдельных членов «ПОВ» об имеющихся материалах, готовящихся операциях, консервировали и уничтожали поступавшие от честных агентов сведения о деятельности «ПОВ», заполняли агентурно-осведомительную сеть двойниками, работавшими на поляков, не допускали арестов, прекращали дела.

2. Захват и парализация всей разведывательной работы НКВД и Разведупра РККА против Польши, широкое и планомерное дезинформирование нас и использование нашего разведывательного аппарата за границей для снабжения польской разведки нужными ей сведениями о других странах и для антисоветских действий на международной арене.

Так, член «ПОВ» Сташевский, назначенный Уншлихтом на закордонную работу, использовал свое пребывание в Берлине в 1932 г. для поддержки Брандлера в целях срыва и разгрома пролетарского восстания в Германии, действуя при этом по прямым директивам Уншлихта.

Член «ПОВ» Жибковский, направленный Бронковским на закордонную работу Разведупра РККА, вел провокационную работу в целях осложнения взаимоотношений СССР с Англией.

По директивам Уншлихта члены организации Логановский и Баранский использовали свое пребывание по линии ИНО в Варшаве в период отстранения Пилсудского от власти для создания под прикрытием имени ОГПУ диверсионных пилсудчиковских организаций, действовавших против тогдашнего правительства эндеков в Польше, и готовили от имени резидентуры ИНО провокационное покушение на французского маршала Фоша во время его приезда в Польшу в целях срыва установления нормальных дипломатических отношений между Францией и СССР.

3. Использование положения членов «ПОВ» в ВЧК-ОГПУ-НКВД для глубокой антисоветской работы и вербовки шпионов.

Эмиссар Пилсудского и резидент 2-го отдела ПГШ И.Сосновский широко использовал свое положение в органах для установления контакта с различными, преимущественно националистическими антисоветскими элементами и возглавил их подрывную деятельность в Закавказье, Средней Азии и других местах.

Однако, едва ли не самый большой вред нанесла нам теория и практика пассивности в контрразведывательной работе, упорно и систематически проводившаяся польскими шпионами, проникшими в ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Пользуясь захватом в свои руки руководящих постов в нашем контрразведывательном аппарате, польские шпионы сводили всю его работу к узко оборонительным мероприятиям на нашей территории, не допускали работы по проникновению нашей контрразведывательной агентуры в центры иностранных разведок и других активно наступательных контрразведывательных действий.

Срывая и не допуская основного метода контрразведывательной работы, заключающегося в перенесении нашей борьбы против иностранных разведок на их собственные территории, польские шпионы в наших органах достигли такого положения, при котором советская контрразведка из органа, которому пролетарским государством поручена борьба против иностранных разведок и их деятельности в целом, была на ряд прошедших лет превращена в беспомощный аппарат, гонящийся за отдельными мелкими шпионами.

В тех же случаях, когда попытки контрразведывательного выхода за кордон делались, они использовались польской разведкой либо для внедрения своей крупной агентуры в СССР (дело Савинкова), либо для установления контакта с деятельностью антисоветских элементов и их активизации (дело Москвича-Боярова, проф. Исиченко и др.).

ПРОВОКАТОРСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В КОМПАРТИИ ПОЛЬШИ

Проникновение крупной польской агентуры в компартию Польши, польскую секцию ИККИ и в аппарат Коминтерна предопределилось тем обстоятельством, что при образовании в конце 1913 г. компартии Польши, в ее руководство автоматически включился ряд крупных членов «ПОВ», ранее состоявших в ППС-левице и польской социал-демократии, объединившихся при образовании компартии.

Независимо от этого, руководящая головка «ПОВ» на протяжении всех последующих лет систематически внедряла свою агентуру в ряды компартии посредством различных провокационных мероприятий, од-

новременно вербовала новую агентуру из числа националистически настроенной интеллигенции, примкнувшей к коммунистическому движению, продвигала эту агентуру в руководящие органы партии, в целях ее разложения и использования в своих интересах, и широко использовала политэмиграцию и обмен политзаключенными для массового внедрения своей агентуры в СССР.

Примером крупнейшей политической провокации пилсудчины является созданная «ПОВ» в 1919 г. так называемая оппозиция ППС, руководство которой, во главе с Жарским, Лянде-Витковским, Витольдом Штурм де Штремом, состояло из крупнейших провокаторов-поляков. Имея первоначально своей задачей не допустить отход революционизирующихся элементов от ППС к компартии, «оппозиция», не будучи в состоянии удержать под своим влиянием рабочие массы, отколовшиеся от ППС в 1920 г., влилась вместе с ними в компартию Польши и захватила там ряд руководящих постов.

Другим, наиболее крупным актом широкой политической провокации уже внутри компартии Польши со стороны пилсудчиков, проникших в ее руководство, является использование влияния компартии в массах во время майского переворота Пилсудского в 1926 г., когда эти провокаторы выдвинули и осуществили политику поддержки компартией пилсудчиковского переворота.

Предвидя, что та часть членов «ПОВ», проникших в руководство компартии Польши и прямо работавших над использованием компартии для содействия пилсудчиковскому перевороту (Барский, Костржева, Краевский, Лянде-Витковский), будет этим скомпро-

метирована и отстранена от руководства, «ПОВ» держала в резерве другую группу членов «ПОВ» (во главе с Лещинским), которая внешне находилась в стороне от содействия перевороту 1926 г. и предназначалась для захвата руководства КПП после провала группы Барского.

После майского переворота, в целях отвлечения рабочих масс от противодействия установлению Пилсудским нового фашистского режима и для ослабления и разложения компартии изнутри, «ПОВ» работало и провело план широкой фракционной борьбы между группой Лещинского (т.н. меньшинство в КПП) и группой Барского — Костржевы (т.н. большинство). Обеим группам «ПОВ» удалось втянуть в фракционную борьбу партийные массы и надолго парализовать работу партии.

В итоге, руководство партией удалось захватить группе «ПОВ», возглавляемой членом московского центра «ПОВ» Лещинским, сосредоточившим свою работу над дальнейшим разложением партии и торможении революционного движения в Польше.

В последние годы все усилия варшавского и московского центра «ПОВ» в отношении их работы внутри компартии Польши были направлены к срыву единого и народного фронта в Польше и, главным образом, к подготовке использования компартии для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР.

В этом направлении Уншлихтом и Лещинским велась специальная работа по использованию партийных каналов для службы связи польской разведки во время войны, и был разработан план ряда политических провокационных мероприятий (предъявление ультиматумов

Коминтерну и ВКП(б)) от имени компартии Польши о неприкосновенности «польской независимости», выпуск антисоветских воззваний к рабочему классу Польши, раскол партии и т.д.

Начиная с 1920 г., и особенно широко после майского переворота, «ПОВ» использует каналы компартии и польской секции Коминтерна, в которую проникли такие крупные члены «ПОВ», как Сохацкий-Братковский, Лещинский, Прухняк, Бергинский, Бронковский и ряд других, для систематической широкой переброски в СССР диверсионно-шпионской агентуры различного масштаба под видом политэмигрантов и политзаключенных. Так, под видом политзаключенных в СССР были переброшены польские шпионы Пиляр, Будзинский, Науискайтис, Высоцкий, Домбаль, Белевский; в качестве политэмигрантов — Висляк, Генрих Ляуэр (руководил сектором металлургии Госплана СССР), Здзярский, Генриховский, Бжозовский и многие десятки и сотни других шпионов, проникших на самые различные участки государственного аппарата, промышленности, транспорта и сельского хозяйства СССР.

Не только одна компартия Польши использовалась как прикрытия для шпионов и диверсантов. Агентура польской разведки перебрасывалась в СССР также и под прикрытием принадлежности к компартиям Западной Белоруссии, Западной Украины и других революционных организаций, в самое возникновение которых польская разведка включалась в провокационных целях.

Так, например, существовавшая в свое время т.н. Белорусская громада — массовая крестьянская организация в Западной Белоруссии — была активно ис-

пользована польской разведкой и фашистской организацией белорусских националистов, существующей в Вильно, для разгрома крестьянского движения в Западной Белоруссии и переброски своей агентуры в СССР.

Такая же массовая организация как независимая крестьянская партия (незалежна партия хлопска) в коренной Польше была создана крупнейшим провокатором — офицером 2-го отдела ПГШ Воевудским специально для перехвата движения революционирующегося польского крестьянства и также использования для переброски агентуры в СССР под видом «крестьянских» деятелей, спасающихся от полицейского преследования.

Все материалы следствия по настоящему делу с исчерпы-вающей несомненностью доказывают, что подавляющее, абсолютное большинство т.н. политэмигрантов из Польши являются либо участниками «ПОВ» (выходцы из коренной Польши, в том числе польские евреи), либо агентами 2-го отдела ПГШ или политической полиции (поляки, украинцы, белорусы и др.).

П.п. народный комиссар
внутренних дел СССР
генеральный комиссар
госбезопасности

Н. Ежов

Верно:
оперсекретарь ГУГБ НКВД СССР
комбриг

Ульмер

Текст приказа 00485 и закрытого письма народного комиссара НКВД СССР Ежова дается по книге: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарев В. ЧК-ГПУ-НКВД в Украине. — Киев, 1997.

* * *

Судя по тексту закрытого письма Ежова к своим подручникам, во всех просчетах и провалах коллективизации, индустриализации, внутренней и внешней политики СССР с 1920 по 1937 годы виновата только польская разведка и польские фашисты.

Сам текст письма вынуждает сделать вывод, что польских разведчиков в СССР было больше чем всего взрослого населения «первого в мире государства рабочих и крестьян».

* * *

Среди сотрудников системы НКВД были разные люди по отношению к выполнению своего чекистского и партийного долга. Была среди них «когорта беспощадных» по отношению к «врагам народа».

К такой когорте принадлежали и начальник управления НКВД по Харьковской области, майор государственной безопасности Рейхман Лев Иосифович.

Писатель Жаворонков Г. в газете «Московские новости» №24 от 17 июня 1990 года приводит данные из «героической чекисткой службы» Рейхмана Л.И.

«Как узнать нам, где Рейхман и Зеленый скрыли остатки тысяч и тысяч убитых, лишенных даже минимального права на память — могил и крестов?»

Но в начале этого года сотрудники Харьковского УКГБ вдруг обнаружили в своих неразобранных еще с окончания войны архивах переписку коменданта УНКВД Зеленого с директором еврейского кладбища Горбачевым. Завернутая в плащ-палатку во время эвакуации из Харькова, много лет сиротливо пролежала она на дальних стеллажах как не имеющая оперативного интереса, ожидая своего часа гласности.

«Город Харьков, 11 марта 1938 года.»

Я, нижеподписавшийся, заведующий кладбищем Горбачев сего числа на основании предписания коменданта УНКВД тов. Зеленого принял и передал земле 39 (тридцать девять) человеческих трупов в присутствии представителя НКВД по Харьковской области.

Зав. кладбищем
Присутствовали:

*Горбачев
подпись неразборчива,
подпись неразборчива».*

Менялись присутствующее при захоронениях, неизменен был только директор кладбища, с бухгалтерской точностью оформлявший текущее и уже привычные для него дела по сокрытию не виданного миром преступления. В период с 9 августа 1937 года по 11 марта 1938 года было здесь захоронено 6 865 трупов. Вот хроника только второй половины 1937 года

*август — 348 человек,
сентябрь — 747,
октябрь — 1 102,
ноябрь — 963,
декабрь — 1 203...
всего — 4 363 человека.*

Почти ежедневно появлялись на еврейском кладбище новый холм, вроде бы означавший, что ушел из жизни еще один человек. Лукав был директор кладбища, далеко смотрел, понимая перспективу, догадываясь, что страшная машина НКВД может только ускорять, а не замедлять свой ход. Под скромным холмиком лежало от 30 до 100 человек, расстрелянных в подвалах НКВД. Но и при такой жесткой экономии площади к 1939 году кладбище оказалось перегруженным.'

Сколько среди убиенных было поляков неизвестно. Известно только то, что они были расстреляны во исполнении приказа №00485 от 11 августа 1937 года «железного наркома НКВД» товарища Ежова, с обязательным благословением самого товарища Сталина.

Судьба и Господь Бог распорядились жизнью Рейхмана Л.И. точно так, как и он с судьбами поляков в Харькове, решением военной коллегии Верховного Суда СССР от 25.10.1940 года Лев Иосифович был приговорен к вышей мере наказания — расстрелу.

Первый, кто обнаружил вышеприведенные данные документы и проводил активную работу по реабилитации жертв сталинских репрессий в Харькове был начальник следственного отдела УКГБ по Харьковской области полковник Мурзин Николай Николаевич.

Уникальный документ. Наверное первый в истории случай, когда директор кладбища отчитывался перед сотрудниками спецслужб о количестве захороненных трупов.

* * *

Апогеем мести, ее кровавым пиком стал расстрел польских военнопленных в апреле — мае 1940 года — в Катynie, Калининe и Харькове.

Кроме мести Сталин преследовал еще одну цель — уничтожить Польшу как государство, обезглавить польское общество, лишить ее научной, культурной и политической элиты навсегда.

С помощью Гитлера ему удалось ликвидировать Польское государство, Польша перестала существовать как государство, осталось поставить последнюю точку в своем дьявольском замысле.

Иосиф Виссарионович страдал тяжелой болезнью — маниакальной подозрительностью. «А если воен-

нопленные польские офицеры в дальнейшем перейдут на сторону Англии и Франции, пополнит их армии и станут воевать с его верным союзником Гитлером — с тревогой спрашивал себя «великий вождь». А если, хуже этого, отпущенные польские офицеры возглавят контрреволюционное движение на вновь освобожденной территории Западной Украины и Белоруссии с тревогой думал «великий Сталин». Мысли о военнопленных польских офицерах не давали ему покоя, терзая измученное «врагами народа» сердце Иосифа Виссарионовича.

* * *

Среди находившихся в Сталинских лагерях смерти в конце марта 1940 года было:

1. Адмиралов — 1 человек;
2. Генералов — 12 человек;
3. Полковников — 82 человека;
4. Подполковников — 201 человек;
5. Майоров — 351 человек;
6. Капитанов — 1498 человек;
7. Капитанов морского флота — 12 человек;
8. Капитанов морского флота I ранга — 2 человека;
9. Капитанов морского флота II ранга — 3 человека;
10. Поручики, подпоручики, хорунжие — 6014 человек;

А так же гражданских лиц:

1. ксендзов — 26 человек;
2. помещиков — 11 человек;
3. крупных государственных чиновников — 71 человек;
4. осадников — 35 человек;
5. торговцев и крупных собственников — 3 человека.

Среди расстрелянных было также 20 профессоров высших учебных заведений и около 400 врачей, а также инженеры, учителя, студенты. Это была элита Польши, ее гордость и надежда, ее лучшие сыны.

«Москва осуществляет план обезглавливания общества» — писал генерал польской армии Владислав Андерс.

* * *

Расстрелом польских офицеров Сталин как бы хотел доказать самому себе преданность дружбе СССР и Германии, пакту Молотова-Риббентропа. Гитлеровское руководство и сам Гитлер были довольны, что смогли одурачить самого Сталина.

Ведь в это время в недрах генерального штаба Германии шла полным ходом подготовка операции «Барбаросса» — плана нападения на СССР.

Одураченный Гитлером, Сталин понял, какую ошибку он совершил, расстреляв 21857 польских военнопленных, уже после 22 июня 1941 года, когда танковые дивизии вермахта прошивали фронта Красной Армии и когда в плену у Гитлера оказалось 4 500 000 солдат и командиров Красной Армии.

Покаялся ли Сталин за содеянное? Нет. Не такой он был человек. А вот исправлять политическую и стратегическую ошибку начал очень интенсивно.

30 июля 1941 года, когда было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики.

12 августа 1941 года, когда уже был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии всех польских граждан.

Сентябрь 1941 года, когда началось формирование дивизий польской армии под командованием генера-

ла Андерса и выделен денежный кредит на сумму 65 000 000 рублей и 15 000 000 рублей для офицерского корпуса.

4 декабря 1941 года, когда была подписана Декларация правительства Советского Союза и правительства Польской республики о дружбе и взаимной помощи.

Но воскресить 21 857 невинно убиенных не мог уже никто, даже «Великий Сталин».

II. КРОВАВЫЙ ПРОТОКОЛ СТАЛИНСКОГО ПОЛИТБЮРО

В тот, обычный ничего плохого не предвещающий для Польши день, — 21 августа 1939 года в 21 час 30 минут Сталин своей личной телеграммой поставил в известность Гитлера о том, что он готов и согласен подписать двусторонний пакт о ненападении, а также секретный дополнительный протокол. Это стало началом и прологом страшной трагедии в истории польского народа.

23 августа министр иностранных дел Третьего рейха фон Риббентроп и народный комиссар иностранных дел первого в мире государства рабочих и крестьян Молотов подписали советско-германский пакт о ненападении и дополнительный секретный протокол, второй пункт которого предопределял раздел Польши.

«В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница совместных интересов Германии и СССР, будет приблизительно проходить по линии рек Наров, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства, и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.»

По крайней мере, для себя, дальнейшую судьбу Польши, как государства, два вождя Гитлер и Сталин уже решили.

На рассвете 17 сентября 1939 года начался «освободительный поход Красной Армии на территорию Польши с целью обеспечения безопасности и защиты братских белорусского и украинского народов».

В результате боевых действий, однако, война Польше не была объявлена, по неполным данным к началу ноября 1939г. в плен попало около 250 тысяч солдат и офицеров польской армии. Все они стали пленниками необъявленной войны.

НОТА

НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
В.М. МОЛОТОВА ПОСЛУ ПОЛЬШИ В СССР
В. ГЖИБОВСКОМУ

17 сентября 1939 г.

Господин посол!

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течении десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумным руководством, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный комиссар
иностраннх дел СССР

В. Молотов.

* * *

Сталин и его опричники из руководства НКВД разместили польских военнопленных и других лиц в трех лагерях: Козельском, Старобельском и Осташковом. В тяжелых условиях плена надеялись сломать их морально и физически, а в дальнейшем использовать интенсивную идеологическую обработку, чтобы перевоспитать элиту польского государства в духе преданности учению Ленина — Сталина.

Как явствует, из политдонесений из лагеря темы лекций и бесед были наиболее «актуальными»:

1. СССР — самая демократическая страна в мире.

2. Братский союз народов СССР. Осуществление ленинско-сталинской политики.
3. Буржуазный и социалистический демократизм.
4. Книга И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

В вопросе высылки и ликвидации целых народов «Коба» был непревзойденным авторитетом.

Но, к сожалению, польские военнослужащие не хотели проникаться и «пропитываться» идеями преимуществ социализма и торжества сталинской национальной политики. Все это было им глубоко чуждо.

Они не отказались от своей родины — Польши, ни от католической религии, ни от политических взглядов и нравственных убеждений. Они по-прежнему хотели вести борьбу за восстановление независимой родины — Речи Посполитой.

Выписка из докладной записки заместителю наркома НКВД Чернышову от 01.12.1939 года «О состоянии Козельского лагеря НКВД для военнопленных».

Офицерский состав военнопленных по прибытии в лагерь обратил внимание на то, что они концентрируются в одном месте и что их содержание, видимо, будет более длительным, стали предъявляться повышенные требования по содержанию, например, выдачи им денег в виде «жалования», выдачи сапожных щеток, гуталина и пр.

Некоторые офицеры проявляют патриотические чувства, открыто высказывают, что «еще Польша будет существовать в таком виде, в каком она была».

Ряд офицеров, когда находились вместе с солдатами, срезали свои звездочки, то теперь, ког-

да в лагере содержатся одни офицеры, стали восстанавливать чиновничество, а некоторые из них вновь нашли знаки отличия — «звездочки» — на погонах.

В большинстве своем офицерский состав религиозен, был случай, когда в одном из корпусов пытались провести молебен, но при появлении политработников лагеря случай был предотвращен и тут же было разъяснено, что впредь за подобные попытки проведению молебствий виновные будут нести ответственность.

Подобные сводки регулярно докладывались Берии и Сталину. Неутешительная в целом была картина «для великого вождя».

Между Сталиным и Берией неоднократно состоялись разговоры о «нежелательном» поведении польских военнопленных. Только с согласия и благословения «отца всех народов», докладная записка Берии Сталину с предложением расстрелять польских офицеров из трех специальных лагерей для военнопленных была вынесена на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 года.

Лаврентий Берия, как никто другой, предвидел и предугадывал настроение своего Хозяина и прилагал все усилия для их осуществления, за что и продержался на довольно опасном кресле народного комиссара НКВД СССР до самой смерти «великого вождя».

Один неправильный и необдуманый шаг, не так сказанное слово и можно было разделить судьбу «бывших главных чекистов СССР» Ягоды и Ежова.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических контрреволюционных партий, участников вскрытых контрреволюционных повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, неисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд контрреволюционных повстанческих организаций. Во всех этих контрреволюционных организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками контрреволюционных шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава)

ва) 14736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков, по национальности свыше 97% — поляки.

Из них:

генералов, полковников и подполковников — 295

майоров и капитанов — 2080

поручиков, подпоручиков и хорунжих — 6049

офицеров и младших командиров полиции,

пограничной охраны и жандармерии — 1030

рядовых полицейских, жандармов,

тюремщиков и разведчиков — 5138

чиновников, помещиков,

ксендзов и осадников — 144

В тюрьмах в западных областях Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 поляков), в том числе:

бывших офицеров — 1207

бывших полицейских,

разведчиков и жандармов — 5141

шпионов и диверсантов — 347

бывших помещиков,

фабрикантов и чиновников — 465

членов различных контрреволюционных

и повстанческих организаций и разного

контрреволюционного элемента

перебежчиков — 6127

Исходя из того, что все они являются законными, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

1. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14700 человек бывших польских бывших офице-

ров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных, шпионских и диверсионных организаций, помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

2. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных

и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, — по справкам, представляемым управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

3. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Берия, Меркулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР

Л. Берия

По тексту документа и на полях шли личные подписи Сталина, Ворошилова и Микояна, которые были сделаны, синим карандашом. Подпись Молотова — простым карандашом. На полях документа, по всей

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Дата: 1940 г.
№ 494/8

И.О. Е.К.И. (б.)
товарищу СТАЛИНУ

В лагерях для военнопленных НКВД СССР в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Многие из них захвачены врагами советской власти, предпринявшими нападения на советскую страну.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагере, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органы НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыли ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играют бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди захваченных перебежчиков и нарушителей по-

*Кашинский М.
Чайковский И.*

видимости, работником аппарата секретариата была сделана запись:

Калинин — за;

Каганович — за.

Воздержавшихся и несогласных не было. Вместо Берии в состав «тройки» Сталин включил заместителя Берии — Кобунова. В такой редакции и была вынесена записка Берии на обсуждение Политбюро 5 марта 1940 г.

В номенклатуре дел вопрос о расстреле 14 700 польских офицеров проходил под № 144 и назывался просто и обыденно: «Вопрос НКВД СССР». Если граждан СССР «вождь всех народов» расстрелял сотни тысяч, то уничтожить двадцать тысяч поляков для него не представляло проблемы. Есть человек — есть проблема. Нет человека — нет проблемы.

Вопрос о расстреле польских офицеров был рассмотрен на заседании Политбюро и решение принято единогласно.

СТРОГО СЕКРЕТНО
ИЗ ОСОБОЙ ПАПКИ

Всесоюзная Коммунистическая Партия

(большевиков).

Центральный Комитет.

№ П13/144

5 марта 1940

Выписка из протокола №13 заседания Политбюро ЦК от... 193... г.

Решение от 05.03.1940г.

144. — Вопрос НКВД СССР.

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских бывших

офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных, шпионских и диверсионных организаций, помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, — по справкам, представляемым управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Кобулов, Меркулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК

Решение сталинского Политбюро от 5 марта 1940 года окончательное и обжалованию не подлежит, неукоснительно должно быть выполнено. Такова воля «отца всех народов».

14 марта 1940 года на совещание в Москву были вызваны начальники УНКВД по Смоленской, Калининской (в настоящее время Тверской), Харьковской областям, их заместители, ряд руководящих работников центрального аппарата НКВД.

Совещание проводил заместитель Берии, Кабулов, и носило инструктивный характер.

Заместитель Берии сообщил присутствующим, что имеется решение высшей инстанции о расстреле представителей карательных органов Польши, которые были захвачены в плен в результате Освободительной миссии Красной Армии.

Всего должно быть расстреляно 15 000 человек.

Предстояла чудовищная кровавая акция.

Лектору в течение 24 часов (Пост. ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. б)
часть Особого Сектора ЦК

СТРОГО СЕКРЕТНО
(на о. п.)

Объединенная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П18/144. Топ. Б о р и л.
м а р т а 1940 г.

Выписка из протокола № 18 заседания Политбюро ЦК от 193 г.

Решение от Ц.И.А.К.К.

144.- Вопрос ЦКЦ ССР.

1. Предложить ЦКЦ ССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, помещицких, разведчиков, хандармов, осадников и теремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шимонских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и порабощенных - рассмотреть в особом порядке, о применении к ним высшей меры наказания - расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинений, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения - в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военно-пленных - по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных ЦКЦ ССР,

б) на лиц, арестованных - по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и ЦКЦ ССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кабулова и Явтакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД ССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Фотокония выписки из протокола заседания политбюро
ЦК ВКПБ от 5 марта 1940 года

III. СТАРОБЕЛЬСК – ХАРЬКОВ. ПУТЬ В БЕЗДНУ

На расстрел в Харьков военнопленных везли из Старобельского спецлагеря НКВД. Из трех лагерей это был особый, самый привелегированный лагерь.

По решению самого товарища Берия лагерь предназначался для высшего командного состава польской армии и государственных чиновников высокого ранга.

№ 4444/Б

Совершенно секретно
Вручить немедленно
С изъятием ленты

Записка по проводу

Ворошиловград – УНКВД т. Череватенко
Старобельск – начальнику лагеря т. Бережкову
Копия: НКВД УССР тов. Горлинскому

Старобельский лагерь предназначен для размещения военнопленных генералов и крупных военных о государственных чиновников. Все остальные категории военнопленных подлежат направлению в соответствии с директивой НКВД №4441/Б от 3 октября 1939 г.

Предлагаю провести по лагерю следующие мероприятия:

1. Выделить отдельные, лучшие помещения для размещения генералов, полковников, подполковников и крупных военных и государственных чиновников, с расчетом предоставления каждому военнопленному указанной территории койки с постельными принадлежностями.

2. Всех остальных офицеров разместить с предоставлением каждому отдельного места с постельными принадлежностями.

3. Организовать улучшенное питание генералам и офицерам в пределах установленных для них норм отпуска продовольствия.

4. Строго соблюдая установленный для лагеря режим, обеспечить хорошее обращение со всеми военнопленными и культурное обслуживание их, для чего будут направлены кинопередвижки, редакции газет, походная топография и другое культимущество.

5. 3-му отделу УНКВД и особому отделению лагеря обеспечить тщательный контроль переписки военнопленных, выявление переписки с применением шифра и тайнописи.

Путем подбора соответствующей агентуры организовать выявление работников разведовательных органов и руководителей антисоветских зарубежных организаций, добиваясь вскрытия методов работы этих организаций, ближайших задач и известной им агентуры.

* * *

В Старобельском спецлагере находилось восемь польских генералов:

- Леонид Билевич;
- Станислав Халлер;
- Александр Ковалевский;
- Казимеж Луковский;
- Францишек Сиковский;
- Константин Плисовский;
- Леонард Скерский;
- Петр Скуратович.

А также 55 полковников, 130 подполковников, 320 майоров, 850 капитанов, 2528 других категорий офицеров, среди них было 600 офицеров-летчиков, около 400 врачей, а также представители духовенства, крупные государственные чиновники.

Бериевские подручные использовали весь арсенал по «перевоспитанию» польских офицеров в духе преданности делу Ленина – Сталина. Проводились беседы, читались лекции, организовывался просмотр кинофильмов. С самой интересной и актуальной тематикой:

1. СССР – самая демократическая страна в мире.
2. Братский союз народов СССР. Осуществление ленинско-сталинской политики.
3. Буржуазный и социалистический демократизм.
4. Книга И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

И даже было организовано социалистическое соревнование сотрудников Козельского лагеря с сотрудниками Старобельского лагеря. Социалистическое соревнование между лагерями смерти.

№ 2066996

Комиссару Козельского лагеря НКВД
старшему политруку тов. Алексееву
гор. Козельск

Работники Старобельского лагеря включились в предоктябрьское социалистическое соревнование и вызывают на соревнование сотрудников Козельского лагеря.

Посылая Вам копию договора работников Старобельского лагеря, политотдел Управления НКВД СССР по делам о военнопленных рекомендует подойти к принятию вызова со всей серьезностью и ответственностью за взятые обязательства.

Организируйте тщательную подготовку к собранию, обсудите взятые обязательства старобельцами по отделения Вашего лагеря с тем, чтобы работники каждого отделения могли взять обязательства конкретно по своей отрасли работы; суммировав обязательства всех отделений, поставьте их на обсуждение актива и после вынесите на собрание для утверждения.

О принятии вызова незамедлительно сообщите Старобельскому лагерю и в политотдел.

Осветите ход обсуждения договора, отношения сотрудников к этому мероприятию (как приняли, какие вносились дополнения, активность при обсуждении и т. д.).

Комиссар Управления
НКВД СССР

полковой комиссар

< Нехорошев >

Вдумайтесь уважаемый читатель в смысл происшедшего. Чудовищный абсурд происходит в тяжелом бреде или кадр из фантастического фильма ужасов о далекой прошлой человеческой цивилизации. Жестокое насилие над здравым смыслом.

О правах человека и Женевской конвенции и говорить не приходится. Хотя, однажды, единственный раз вспомнили в Старобельском лагере в качестве военнопленных находилось около 400 врачей, которые неоднократно обращались к начальнику лагеря Бережкову с требованием прекращения незаконного их содержания согласно Женевской конвенции. Бережков обращается к своему высокому начальству в Москву, с просьбой прислать ему материалы Женевской конвенции. Ответ был незамедлительный.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Начальнику
Старобельского лагеря НКВД
для военнопленных
капитану госбезопасности
Тов. Бережкову

На 4-5 / 22 от 4 / 11. 39г.

Женевская конвенция врачей не является документом, которым Вы должны руководствоваться в практической работе.

Руководствуйтесь в работе директивами Управления НКВД по делам о военнопленных.

Начальник Управления
НКВД СССР
по делам о военнопленных
Майор

(Сопруненко)

Начальник 2 Отдела Управления
НКВД СССР по делам
о военнопленных
Лейтенант Госбезопасности

(Маклявский)

Вот так. Не умничайте товарищ Бережков, а руководствуйтесь ведомственными инструкциями.

Несмотря на громадную работу, проделанную подчиненными Берии по «идейно-политическому перевоспитанию» польских офицеров, последние никак не хотели «пропитываться» духом Ленина-Сталина, преимуществом социализма и творчества Сталинской национальной политики.

Все это польским офицерам было глубоко чуждо. Большинство из них с чувством ненависти относились и к социализму, и к «великому Сталину» и его подручникам. Поэтому чекистами в лагере была

«раскрыта» «антисоветская организация военнопленных офицеров бывшей Польской армии и офицерское подполье».

Идеологическая и морально-психологическая обработка военнопленных польских офицеров не всегда проходила гладко, как хотелось бы, часто случались срывы и нестыковки на таком ответственном участке работы.

Из докладной записки оперативной группы НКВД СССР командированных в Старобельский лагерь в конце ноября 1939 года.

Народному Комиссару
Внутренних Дел
Союза ССР
тов. Берии Л.П.
г. Москва

СОВ. СЕКРЕТНО

Запиской от 20 ноября с.г. мы докладывали Вам о вскрытой в Старобельском лагере антисоветской организации военнопленных офицеров бывшей Польской армии.

Работе офицерского подполья в известной степени способствовало почти полное отсутствие политической и культурно-просветительной работы политаппарата лагеря, возглавляемого комиссаром Кириным.

Вместо того чтобы организовать через политаппарат культурно-просветительные мероприятия, позволяющие вести и политическую обработку младших и запасных офицеров, комиссар лагеря бездеятельностью дал возможность антисоветскому активу военнопленных офицеров взять инициативу в свои руки.

Популярное дело создания культ<урно>-просвет<ительных> кружков среди ничем не занятых военнопленных, было успешно использовано для создания подпольной организации.

Перед тем, как приступить к ликвидации этого подполья, мы информировали комиссара и рекомендовали ему ряд мероприятий по развертыванию политической и культ<урно>-просветительной работы среди военнопленных.

Не успели мы начать изъятие намеченных к аресту участников в организации, как комиссар Кишин, действуя по своему усмотрению, направился в бараки военнопленных и в разговорах с отдельными активистами подполья начал «разоблачать» их деятельность, доказывать нелегальный, антисоветский характер работы и т. п., выболтав тем самым нашу осведомленность о наличии организации и дав возможность участникам организации подготовиться.

Допустив такой промах, комиссар Кишин, вместе с тем, не обеспечил реализацию намеченных им мероприятий по развертыванию политической и культурно-просветительной работы, которая должна была ослабить антисоветскую работу офицерского актива и усилить выгодное для нас политическое воздействие на военнопленных.

Даже перед отправкой из Старобельского лагеря военнопленные польские офицеры не теряли присутствие духа.

Вот что докладывали заместителю Наркома НКВД Меркулову его помощники по кровавой трагедии Воробьев и Нехорошев.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНЕШНИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ З РАНГА
ТОВА. МЕРКУЛОВУ.

Политдонесение

В связи с отправкой, настроение военнопленных, несмотря на то, что отдельные из них пытаются вести подрывную деятельность, распространяют слухи, что: «Отправляют в Сибирь», «Отправляют в Соловки», «Отправляют на необитаемый остров», «Отправляют в германские лагеря», «Отправляют в Карелию строить дороги» и т. п.

Отдельные из военнопленных при прощании выступают с призывом: «Стойко держаться в будущих боях за великую Польшу, чтобы с нами не делали, Польша была и будет».

В одном из блокнотов военнопленный зачитывал составленное им воззвание: «Держаться стойко за честь польского офицера, за будущую великую Польшу».

Обреченные еще не догадывались, да и не могли знать, что в Харькове в подвалах внутренней тюрьмы НКВД их ждет черная бездна смерти.

IV. КОНВЕЙЕР СМЕРТИ НКВД

К расстрелу польских офицеров в Харькове подручные Берии готовились наиболее тщательно, ведь предстояло ликвидировать элиту польского общества и ошибки здесь не должно было быть.

Тем более, было благословение на этот «героический подвиг» самого «отца всех народов» и приказ главного чекиста СССР за №00350 от 22 марта «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР».

Списки подлежащих расстрелу польских офицеров в Харькове составлялись в 1-м спецотделе НКВД в Москве. В каждом списке содержалось предписание начальнику Старобельского спецлагеря НКВД направлять указанных польских офицеров в Харьков, в распоряжение начальника УНКВД.

СПРАВКА

О количестве полученных из Управления НКВД СССР по делам о военнопленных на отправку из Старобельского лагеря за время с 3 апреля по 10 мая 1940 г.

№ п\п	№ списков	От какого числа	На сколько человек	Примечание
1	2	3	4	5
1.	б/н	3.IV.1940 г.	98	
2.	06/2	«—»	100	

1	2	3	4	5
3.	06/3	«—»	100	
4.	б/н	«—»	83	
5.	б/н	«—»	152	
6.	06/4	«—»	97	
7.	011/1	4.IV.1940 г.	99	
8.	011/2	«—»	99	
9.	011/3	«—»	95	
10.	018/1	7.IV.1940 г.	100	
11.	018/2	«—»	100	
12.	018/3	«—»	97	
13.	013/	«—»	101	
14.	021/1	9.IV.1940 г.	100	
15.	021/2	«—»	100	
16.	021/3	«—»	98	
17.	024/1	10.IV.1940 г.	100	
18.	024/2	«—»	99	
19.	028/1	13.IV.1940 г.	100	
20.	028/2	«—»	100	
21.	028/3	«—»	99	
22.	021/1	14.IV.1940г.	100	
23.	031/2	«—»	100	
24.	031/3	«—»	99	
25.	034/1	16.IV.1940 г.	100	
26.	034/2	«—»	100	
27.	034/3	«—»	100	
28.	034/4	«—»	106	
29.	039/1	20.IV.1940 г.	100	
30.	039/2	«—»	100	
31.	039/3	«—»	98	
32.	046/1	22.IV.1940 г.	100	
33.	046/2	«—»	100	

1	2	3	4	5
34.	046/3	«—»	100	
35.	046/4	«—»	93	
36.	25/3434	«—»	64	
37.	053/1	27. IV.1940 г.	100	
38.	053/2	«—»	137	
39.	054/4	5.V.1940 г.	27	
40.	059/2	9.V.1940 г.	34	
41.	25/3837	10.V.1940 г.	16	
ИТОГО			3891	

Начальник Стабельского лагеря
капитан безопасности

Бережов

36/106

17 мая 1940 года

г. Старобельск.

Начальнику УНКВД по Харьковской области направляли также списки подписью заместителя наркома НКВД Меркулова, но уже с приказом расстреле данных лиц.

Кроме этого Главное транспортное управление НКВД разработало подробный план вывоза обреченных из Старобельского спецлагеря в Харьков к месту расстрела. Учитывалось все скрупулезно и маршрут следования, станции следования и прицепки вагонов, пункты загрузки и разгрузки и даже подача порожняка. Так, на всякий случай.

Всем этим руководил «главный чекистский железнодорожник» комиссар госбезопасности 3-го ранга Мильштейн В.Н., который ежедневно информировал

заместителя наркома Меркулова о ходе доставки обреченных к месту казни

Зам народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссару государственной
безопасности

тов. Меркулову

СВОДКА

о движении тюремных вагонов на железнодорожном транспорте

за 26-е апреля 1940 г.

На ст. Козельск Дзержинской ж.д. погружено 2 вагона за №№ 608 и 520, вместо 3 вагонов по плану.

Заявки на один вагон не поступало. Погруженные вагоны отправлены в Смоленск поездом №57 в 13 ч.20 м.

На ст. Козельск имеется 4 свободных вагона за №№ 602, 673, 650 и 670.

Со ст. Валуйки в Харьков поездом № 82 прибыли 2 вагона за №№ 930 и 3289 по плану.

Из Ворошиловграда в Харьков поездом №8 прибыл 1 вагон по плану.

Начальник ГТУ НКВД СССР
Комиссар Госуд. Безопасности
3 ранга

(Мильштейн)

27 апреля 1940 г.

Берия и его подручные могли не сомневаться обреченных на смерть в Харьков доставляли строго по плану.

Конвейер смерти НКВД состоял из трех этапов:

1. Спецлагерь НКВД в Старобельске — Железнодорожная станция, город Харьков (Сортировочная).

2. Железнодорожная станция, город Харьков (Сортировочная) — Областное управление УНКВД по Харьковской области.

3. Областное управление УНКВД по Харьковской области — Лесопарк, 6 квартал.

Железнодорожными вагонами привозили обреченных в Харьков. От железнодорожного вокзала специально оборудованными грузовиками доставляли в подвалы областного управления УНКВД — место казни. Отсюда трупы польских офицеров отвозили к месту захоронения — 6 квартал Лесопарка.

Массовые расстрелы польских офицеров в подвалах Харьковского УНКВД начались 5 апреля 1940 года, в этот страшный день было расстреляно — 195 человек,

6 апреля 1940 г — расстреляно 200 человек,

7 апреля 1940 г — расстреляно 195 человек,

8 апреля 1940 г — расстреляно 170 человек,

9 апреля 1940 г — расстреляно 163 человека.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Заместителю народного
комиссара внутренних дел
Союза ССР
Комиссару Государственной
Безопасности 3 ранга

тов. Меркулову

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

1. с 5-го по 9-е апреля с.г. в гор. Харьков из Старобельского лагеря отправлено 923 человека, из них:

Генералов — 2

Полковников — 25

Подполковников — 42

Майоров — 40

Капитанов — 298

Других офицеров — 516

14 апреля 1940 года подручные Меркулова — Нехорошев и Воробьев докладывали своему «куратору», что в Харьков отправлено (подчеркнуто автором) 923 польских офицера. Это так в лексиконе чекистов обозначался расстрел: 2 генералов, 25 полковников, 42 подполковника, 40 майоров, 298 капитанов, 516 офицеров. Беспредел цинизма. Страшная калькуляция бериевской бухгалтерии: Маховик массовых убийств продолжал работать с чудовищной силой:

10 апреля 1940 г — расстреляно 200 человек,

11 апреля 1940 г — расстреляно 170 человек,

12 апреля 1940 г — расстреляно 164 человек,

13 апреля 1940 г — расстреляно 130 человек,

14 апреля 1940 г — расстреляно 130 человек,

15 апреля 1940 г — расстреляно 107 человек.

Рекордными днями были 16, 17, 24 апреля — в день расстреливали по 260 человек!

Работали в поте лица. Без выходных, по ночам. «Мы не управлялись работать, спали всего по три часа» — жаловался на «тяжелую непосильную работу» в своих показаниях Главной военной прокуратуре старший по корпусу внутренней тюрьмы НКВД Сыромятников М.Ф. Действительно, за ночь надо было расстрелять

более 200 человек, погрузить трупы на машину, замотать головы убитых шинелями, чтобы было меньше крови, выкопать могилы, закопать трупы. Тяжел труд исполнителей преступных приказов.

Закончили расстреливать 12 мая 1940 года.

СПРАВКА

О количестве отправленных из Старобельского лагеря за время с 5 апреля по 12 мая 1940 года

№ п/п	Когда направлены	Куда направлены	Сколько направлено
1	2	3	4
1.	1.IV.1940 года	УНКВД г. Харьков	195
2.	6.IV.1940 года	«—»	200
3.	7.IV.1940 года	«—»	195
4.	8.IV.1940 года	«—»	170
5.	9.IV.1940 года	«—»	163
6.	10.IV.1940 года	«—»	200
7.	11.IV.1940 года	«—»	170
8.	12.IV.1940 года	«—»	164
9.	13.IV.1940 года	«—»	130
10.	14.IV.1940 года	«—»	130
11.	15.IV.1940 года	«—»	107
12.	16.IV.1940 года	«—»	260
13.	17.IV.1940 года	«—»	260
14.	18.IV.1940 года	«—»	75
15.	19.IV.1940 года	«—»	200
16.	20.IV.1940 года	«—»	130
17.	21.IV.1940 года	«—»	65
18.	22.IV.1940 года	«—»	257
19.	23.IV.1940 года	«—»	50

1	2	3	4
20.	24.IV.1940 года	«—»	260
21.	25.IV.1940 года	«—»	131
22.	25.IV.1940 года	Юхновский лагерь	63
23.	2.V.1940 года	УНКВД г. Харьков	235
24.	8.V.1940 года	УНКВД г. Харьков	25
25.	10.V.1940 года	«—»	33
26.	12.V.1940 года	«—»	2
27.	12.V.1940 года	Юхновский лагерь	15
28.	12.V.1940 года	2-й отдел НКВД СССР г.Москва	3
ИТОГО			3888

Начальник Старовельского
лагеря НКВД
капитан Гос Безопасности <Бережков В.>

36/106
17 мая 1940 года
г. Саробельск.

А руководство НКВД СССР в Москве узнавало о
выполненных казнях. На удивление, довольно просто.

НКВД СССР

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Шифровка в х № _____

Получ _____

Из _____

Куда и кому _____

10/IV исполнено 200
10/IV Сафанов

«10 апреля исполнено 200». Просто и кратко. Нет, уважаемый читатель, не подумай не о 200 деталях к секретным самолетам и танкам идет речь в шифровке, а о двухстах невинно убиенных и загубленных человеческих душах.

Технология расстрелов была отработана так же до мелочей. С железнодорожного вокзала польских офицеров доставляли специально оборудованные грузовики в подвал Управления НКВД, которое размещалось в Харькове на улице Дзержинского прямо в центре города. Из камер, где находились привезенные польские офицеры выводили по одному человеку и вели в отдельную комнату. Там сверяли все анкетные данные фамилия, имя, отчество, год рождения, не дай бог ошибиться. Так и недолго самому разделить судьбу польских офицеров.

После этой процедуры на обреченного надевали наручники и вели в специально оборудованную камеру для расстрелов. Заводили приговоренного в камеру производили выстрел из пистолета в затылок. Так оборвалась жизнь 3 900 польских офицеров. Почему убиенных не раздевали перед расстрелом, как это делали с советскими гражданами ?

Польские офицеры смогли оказать сопротивление и поэтому не стали этого делать. Ведь расстрел поляков — это была совершенно секретная акция. Настолько секретная, что даже первый секретарь обкома компартии не знал об этой акции. НКВД как «личная гвардия Сталина» стояла выше партии.

Поэтому старались действовать без лишнего шума.

Руководили расстрелами специально присланные из Москвы работники комендантского отдела НКВД СССР. «Местным» компетентным органам не очень доверяли. В качестве активных помощников высокими гостями из столицы были комендант внутренней охраны Куприй Т.Ф., начальник Харьковского УНКВД, майор госбезопасности Сафонов П.С. и его заместитель Тихонов П.П.

ВЫПИСКА

из протокола допроса единственного оставшегося в живых свидетеля кровавой трагедии в Харькове 1940 года Сыромятникова М.В.

(Свидетельские показания даны им 20 июня 1990 года полковнику юстиции Ершику В.Я.)

С 1939 по 1941 год Сыромятников М.В. занимал должность старшего по корпусу внутренней тюрьмы управления НКВД по Харьковской области.

Я вспоминаю, что когда я доставлял арестованных в подвал, мне пришлось видеть, что в комнату куда заводили арестованных, заходил комендант Зеленый, у которого в руках находился револьвер. Из этой же комнаты мы через некоторое время убирали трупы. Я сейчас не могу вспомнить когда именно происходили расстрелы и захоронения на еврейском кладбище. Однако они происходили не каждый день, а очевидно по мере накопления подсудимых, приговоренных к высшей мере наказания. Захоронения на еврейском кладбище происходили примерно до середины марта 1938 года. Затем было организо-

вано новое место захоронения, которое располагалось в Лесопарке, по Белгородскому шоссе в сторону гор. Белгорода в лесу, примерно в 1,5 километра от поселка Пятихатки, примерно в 200 метрах справа от дороги. Из сотрудников УНКВД которые были непосредственно причастными к массовым расстрелам я вспоминаю Кашина Василия, Руденко, Руся, других данных их не помню. Вспоминаю, что примерно в 1939 году они еще были осуждены за нарушение социалистической законности. Я их неоднократно видел в подвале, знаю что конкретно делали, какие действия совершили, мне об этом неизвестно.

В рассказанных акциях я участвовал не часто, а периодически по указанию коменданта Зеленого.

Как я уже показал, захоронения на еврейском кладбище прекратились примерно в середине 1938 года. С этого времени захоронения происходили в указанном мною месте в Лесопарке по Белгородскому шоссе. Мне, примерно два раза ночью пришлось вывозить туда трупы расстрелянных советских граждан. Однако более подробно об этом показать в настоящее время не могу, так как за давностью времени уже не помню.

Примерно в мае 1940 года во внутреннюю тюрьму НКВД начали прибывать большие группы польских военнослужащих. Как правило это были офицеры польской армии и жандармы. Как нам тогда объяснили, эти поляки попали в плен Красной Армии при освобождении в 1939 году западных областей Украины и Белоруссии. Откуда они прибывали в Харьков, мне об этом не

известно. В Харьков их доставляли по железной дороге в специальных вагонах. С УНКВД выезжали машины, на которых поляков доставляли в здание УНКВД. Я в то время был старшим по корпусу внутренней тюрьмы и мне пришлось принимать поляков и водворять их в камеры. Как правило в тюрьме они находились недолгое время: день-два, а иногда и несколько часов, после чего их отправляли в подвал НКВД и расстреливали. Расстреливали их по приговорам или указам судебным решениям, мне об этом не известно. Мне приходилось несколько раз сопровождать их в подвал и я видел, что в подвальные помещения их заводили группами. В подвале находился прокурор, кто именно я уже не помню и комендант Куприй, других данных о нем также не помню, <в то время он был комендантом УНКВД>, и несколько человек из комендатуры. Кто именно расстреливал поляков, мне об этом не известно. После расстрелов трупы поляков грузились в грузовой автомобиль и отправлялись в лесопарк, в указанное мною место захоронений. Расстрелы поляков производились по мере их поступления в УНКВД. Сколько их было доставлено в УНКВД по Харьковской области я не знаю, и примерно сказать не могу, так как я заболел и попал в госпиталь, где находился 2 месяца на момент моего заболевания поляки в УНКВД еще поступали. Несколько раз мне приходилось грузить трупы поляков и отвозить на место их захоронения. Как я уже показал, место захоронения находилось примерно в 200 метрах от Белгородского шоссе. Его территория была обнесе-

на забором и охранялась. Дальше начинался яр. Трупы поляков складывали в большие ямы, которых было две или три. Трупы посыпали порошком белого цвета. Для чего был нужен этот белый порошок, я не знаю, в то время среди нас ходили разные разговоры, якобы этот порошок способствовал разложению трупов. Надо сказать что все действия по расстрелу поляков и их захоронению контролировались представителями НКВД из Москвы. После расстрелы поляков в этом месте производились и захоронения расстрелянных советских граждан, которые были приговорены к высшей мере наказания. Однако каких-либо конкретных сведений, я об этом не знаю. Мне известно, что после освобождения города Харькова, на этом месте захоронились приговоренные к расстрелу изменники Родины, каратели, полицейские и другие преступники, однако более детально об этом я показать не могу, так как я не был свидетелем этих акций. После окончания войны стало известно, что на указанном месте захоронения в Лесопарке немцы хоронили своих тифозных больных, однако я об этом помню из рассказов других сотрудников. В послевоенное время это место захоронений было закрыто и мне более о нем ничего не известно.

Я хочу добавить свои показания тем, что ни я, ни другие сотрудники комендатуры не знали кто и за что был арестован и содержался в тюрьме НКВД, нам говорили, что арестованные являются врагами нашего общества, нашего народа. В настоящее время я узнал из средств массовой информации, что в феврале имели место

необусловленные репрессии, и хочу, чтобы мои показания помогли восстановить справедливость и увековечить места захоронения жертв репрессий.

**ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
дополнительного опроса свидетеля**

6 марта 1992 года

гор. Чугуев
Харьковской области

Ст.военный прокурор начальник отдела управления надзора Главной военной прокуратуры полковник юстиции Третецкий, с соблюдением требований ст.ст.85,167 и 170 УПК Украины дополнительно допросил свидетеля **Сыромятникова Митрофана Васильевича** с применением видеозаписывающей аппаратуры. <остальные анкетные данные на Сыромятникова М.В. в деле имеются>

в соответствии с ч.4 ст.167 УПК Украины Сыромятникову М.В. разъяснены обязанности свидетеля, предусмотренные ст.70 УПК Украины, и он предупрежден об ответственности по ст.179 УК Украины за отказ или уклонение от дачи показаний и по ст.178 УК Украины за дачу заведомо ложных показаний. Одновременно ему разъяснено, что в ходе допроса будут применены видеосъемка.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством Украины специалисту Маринченко А.И. разъяснены его права и обязанности.

Допрос Сыромятникова М.В. начат в 11 часов 15 минут.

На вопрос прокурора подтверждает ли свидетель Сыромятников М.В. данные им ранее показания, в том числе и 30 июля 1991 года, последний заявил, что подтверждает все свои показания, данные им ранее и при необходимости может их дополнить.

Допрос Сыромятникова М.В. производился прямо на квартире его.

Вопрос: Вам предъявляется приказ Народного комиссара внутренних дел СССР от 26 октября 1940 г. о награждении работников НКВД за успешное выполнение специальных заданий <в том числе центрального аппарата НКВД СССР, УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей> и перечисляются все фамилии, указанные в этом приказе, кого Вы можете назвать? Вот например ст. л-т госбезопасности Куприй?

Сыромятников М.В. Куприй — это комендант. После Зеленого прислали Куприя. Был он комендантом при Управлении в Харькове. Это он выполнял все работы, которые называли «указания» начальника Управления Сафонова. Он тогда был.

Вопрос: на прошлом опросе 30 июля 1991 г. Вы показывали, что Куприй занимался расстрелом польских военнопленных. Это тот ли Т.Ф.?

Сыромятников М.В. Правильно, это он. Во время войны его судили и еще двоих, забыл кого. Послали их в штрафной батальон. Но они дались. А потом, когда он приехал, война, кажется-

ся, закончилась послали в Полтаву на жиркомбинат работать директором. И он мне говорил, поедем со мной, я ответил, что я работаю и меня никто не схватит. Он сказал, что постарается, чтоб меня отпустили, но я не захотел.

Вопрос: Уточните, когда поляков привезли?

Сыромятников М.В. Да в начале 1940 г. весной. Привезли их из Ворошиловградской области, там лагерь есть. Привезли их в Харьков. Я не знаю сколько их было. Это мне Смыкалов рассказал, что он ездил за ними. Их привезли в комендатуру, во внутреннюю тюрьму Управления. Сколько их привезли? Машин 2-3. На ул. Чернышевского, здесь же Совнаркомовская, а с другой стороны Дзержинская, вокруг всего Управления были улицы. Я же был старшина по званию. В должности я тогда был прикреплен к комендатуре. Я был старшим по корпусу.

Вопрос: Вы сами не расстреливали польских офицеров?

Сыромятников М.В. Это же было поручено коменданту Куприю и с ним был надзиратель Галицын, он работал при Куприе.

Вопрос: Какое участие он принимал в этом, вывозил или чем занимался?

Сыромятников М.В. Он там занимался не знаю. Он был в той группе, которая поляков привозила и расстреливала. Он их в порядок приводил, привозил туда. До покурора и Куприя приводили Деятелилов, понятно. Галицын, его шофер, он привозил только. Он же возил на грузовой машине.

Вопрос: Следующий Шопка. Он какое участие принимал?

Сыромятников М.В. Не знаю. Он в милиции кажется был. Я Вам откровенно скажу, что 800 рублей я никогда не получал. Я получал, в управление вызывали, ну как вроде «оперативные» назывались деньги. Это всегда к праздникам, по 100 рублей давали, я расписывался. А чтоб 800 рублей, то боже збав.

Вопрос: А почему в это приказе значите как поощренный в сумме 800 рублей?

Сыромятников М.В. Ну значит пускай Куприй отвечает, он деньги получал, в карман забрал, а нас всех поставил туда под ведомость.

Вопрос: А вот эти Галицын, Деятелилов, Мельник и другие, — они Вам говорили о том, что получали ли они деньги?

Сыромятников М.В. Не говорили. И не скажут. Потому что это такое дело, может он им приказал, чтобы никому не говорили, что получают, может так. Может они даже не получали.

Вопрос: А вот за то, что отвозили, привозили поляков, копали ямы, когда готовили место для поляков в лесопарке, Вас поощрили?

Сыромятников М.В. Кто поощрял? Их везли туда, где погранучилище. Дальше. З лесопарковую зону, потом ее загородили. Копали. Объясняли, что значит это курсанты учатся как оборону делать, какие окопы копать. Мы копали, копали. Нам даже жрать не давали. Вам, говорили, привезет Капглапов. Он был кладовщиком у Куприя. В его распоряжении были продукты а

он их прикарманил. Нас кормить — то не кормили, а копать заставляли, давай, давай.

Вопрос: А яма-то глубокая была?

Сыромятников М.В. Ну как обычно окопы делали противотанковые.

Вопрос: Но Вы вот говорили, что яма одна такая была большая, что туда машина заезжала?

Сыромятников М.В. Машина заезжала. Это такая яма, что танк туда становится.

Вопрос: Сколько, примерно, в машину грузили трупов?

Сыромятников М.В. Сколько положено — двадцать пять, Накрывали их тем, что у них было. Покидали да пошел.

Вопрос: Там выгружали и складывали их или просто скидывали, или штабелями?

Сыромятников М.В. Ну, что знаете. У нас не так как у немцев, повели в Бабий Яр да постановили их всех с детьми и постреляли это у нас положено, как говорится, по уставу. Решение такое. Какой он не был ответственный, а получал свое наказание. А положат как положено. Как опускают, скажем, гроб в яму.

Вопрос: Но ведь их без гробов?

Сыромятников М.В. Без гробов. Ну их же все равно не будут же.

Вопрос: Сколько Вы там дней работали, напомниме пожалуйста?

Сыромятников М.В. 6 дней по-моему был, а затем заболел.

Шесть поездок сделали. Машине по одной было, а потом по две. Это мне говорили.

Вопрос: А вот внутреннюю тюрьму, где Куприй расстреливал, куда их носили?

Сыромятников М.В. Я уже показывал. Ясно рассказано. Той комнаты уже нет, первый этаж Куприй взорвал, когда немцы уже на Холодной Горе были.

Откроем главную партийную газету «Правда» за 27 апреля 1940 года, на трех страницах которой Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами, и медалями работников НКВД». Дух захватывает.

Награждено:

- Орденом Ленина — 15 сотрудников
- Орденом «Красное Знамя» — 34 сотрудника
- Орденом «Красная Звезда» — 126 сотрудников
- Орденом «Знак Почета» — 204 сотрудника
- Медалью «За отвагу» — 321 сотрудник
- Медалью «За трудовую доблесть» — 54 сотрудника

Всего 754 сотрудника

Опубликование данных Указа о награждении преследовало двойную цель.

Во-первых, стимулировать и вдохновить всех остальных сотрудников ведомства Берии на дальнейшую борьбу с «врагами народа».

Во-вторых, для острастки простых, рядовых и высокопоставленных граждан страны, смотрите, НКВД не дремлет и как замечательно работает.

Какое огромное количество знатных чекистов по праву заслуживших высокие правительственные награды СССР за свой «тяжелый ратный труд».

Большинство руководящего состава центрального аппарата и местных структурных подразделений НКВД принимавших прямое или косвенное участие в рас-

стреле польских военнопленных было отмечено по заслугам...

Члены тройки, утвержденные решением Политбюро от 5 марта 1940 года, приговорившие 14 700 польских офицеров к расстрелу:

- заместитель наркома внутренних дел, комиссар государственной безопасности 3-го ранга Кобулов Б.Х. — орденом «Красное Знамя»;
- первый заместитель наркома внутренних дел, комиссар государственной безопасности 3-го ранга Меркулов В.Н. — орденом Ленина;
- начальник 1-го спецотдела НКВД СССР, майор государственной безопасности Башптаков Л.Ф. — орденом «Красная Звезда»;

Один из руководителей и кураторов операции по разгрузке трех специальных лагерей:

- заместитель наркома внутренних дел, комдив Чернышов В.В. — орденом Красная Звезда.

Центральная фигура кровавой акции, один из инициаторов и активный проводник политики массового уничтожения польских военнопленных офицеров;

— начальник управления НКВД СССР по делам о военнопленных майор государственной безопасности Сопруненко П.К. — орденом «Знак Почета».

Руководитель и куратор операции по созданию антисоветской организации военнопленных — офицеров бывшей Польской армии и «офицерского подполья» в Старобельском спецлагере и других лагерях смерти;

— начальник Особого отдела Главного управления государственной безопасности 3-го ранга Бочков Виктор Михайлович — орденом Ленина.

Верные помощники и заместители Бочкова В.М.:

— Заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности, майор государственной безопасности Беляков Александр Михайлович — орденом «Красная Звезда»;

— Заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности, майор государственной безопасности Осетров Николай Александрович — орденом «Красная Звезда».

Не были обойдены так сказать «национальные кадры НКВД» которые принимали активное участие в «разгрузке» лагерей смерти.

— Заместитель народного комиссара государственной безопасности 3-го ранга Серов Иван Александрович — орденом Ленина;

— Заместитель народного комиссара внутренних дел УССР, капитана государственной безопасности;

— Гофринский Николай Дмитриевич — орденом «Красное Знамя».

Был отмечен высокой правительственной наградой «главный железнодорожник НКВД», под руководством которого обреченных на смерть бесперебойно, по плану доставляли к местам казни.

— Начальник Главного транспортного управления НКВД СССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга Мильштейн В.Н. — орденом «Красное Знамя»

Активный участник расстрела военнопленных польских офицеров в подвалах Калининского УНКВД

— Начальник коменданского отдела НКВД СССР, майор государственной безопасности Блохин В.М. — орденом «Красное Знамя».

Были отмечены и начальники управлений НКВД в подвалах которых проходили расстрелы польских офицеров:

- Смоленской области, майор государственной безопасности Куприянов Е.И. — орденом «Знак Почета»;
- Калининской области, майор государственной безопасности Токарев Д.С. — орденом «Знак Почета»;
- Харьковской области, майор государственной безопасности Сафонов П.С. — орденом «Красной Звезды».

За всю свою чекистскую деятельность, правительственной наградой Сафонов П.С. был награжден единожды — 27 апреля 1940 года

Впоследствии, 26 октября 1940 года Берией был подписан секретный приказ о награждении 53 сотрудников НКВД, наиболее активных участников расстрела военнопленных польских офицеров, денежной премией.

V. СПУСТЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Прошли годы. Расстрел военнопленных польских офицеров в подвалах УНКВД Харькова оставался государственной тайной особой важности очень долгое время.

Кровавая трагедия, происшедшая в Харькове с 5 апреля по 12 мая 1940 года, стала составной частью трагедии польского и украинского народов и вошла в историю России, Украины и Польши как «Катынская трагедия» или «Катынское дело».

Еще в апреле-мае 1940 года забили тревогу, в предчувствии страшной трагедии, родственники расстрелянных поляков, получая обратно свои отправленные в СССР письма с пометкой «Адресат выбыл». Обеспокоенные судьбой своих соотечественников, поляки обратились даже к «отцу всех народов» товарищу Сталину, с вопросом о дальнейшей судьбе 21 857 военнопленных польских офицеров. На это товарищ Сталин не моргнув глазом ответил: «Они все бежали в Манчжурию». Большим шутником был Иосиф Виссарионович.

Как гром среди ясного неба прозвучало сообщение немцев по радио, о том что 13 апреля 1943 года в катынском лесу близ Смоленска полевой полицией обнаружены массовые могилы 10 тысяч польских офицеров, расстрелянных «еврейскими комиссарами». 17 апреля 1940 года Британская радиовещательная

* Архивные материалы НКВД СССР даны по тексту книги «Катынь. Пленники необъявленной войны» — М., 1997

корпорация «Би-Би-Си» передает коммюнике польского правительства в Англии с призывом к Международному Красному Кресту направить в Катынь экспертов.

Узнав об этом Сталин был взбешен, опять эти строптивные поляки как они посмели. В качестве наказания советское правительство 26 апреля 1943 года разрывает дипломатические отношения с правительством Сикорского.

24 января 1944 года в советской печати публикуется сообщение «Специальной комиссии по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками польских офицеров. Руководил комиссией академик Бурденко Н.Н. Комиссия делает веское заключение по поводу происшедшего — военнопленные польские офицеры были расстреляны немцами осенью 1941 года, и что на Германию ложится вся ответственность за совершенное массовое убийство польских военнопленных.

В июне 1946 года советская сторона представляет данный материал в Международный военный трибунал в Нюрнберге. Международный военный трибунал отклоняет его за недостатком улик. Представители СССР не стали настаивать. Расстрел 21 857 военнопленных польских офицеров оставался государственной тайной особой важности.

Прошли годы... В начале марта 1959 года Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР товарищ Шеленин А. Знакомясь с ведомственными документами своих предшественников находит документы о массовых расстрелах военнопленных польских офицеров в Катыни, Калинин, Харькове.

На языке Международного Нюрнбергского военного трибунала это означало просто и ясно — преступление против человечества.

Встревоженный, что данные документы смогут в дальнейшем дискредитировать авторитет Советского Союза, Компартии и его родного ведомства Шеленин пишет собственноручно письмо Никите Хрущову.

Имея огромное количество секретарей — машинисток, референтов и помощников, председатель КГБ собственноручно пишет письмо...

Почему?... Чтобы не дай бог не просочилась информация о преступлениях против человечества, совершенные его предшественниками по «компетентному» ведомству.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Товарищу Хрущову Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. из бывшей буржуазной Польши. Всего по решению специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года...

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года, никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21.857 хранятся в опечатанных помещениях.

Для советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни истори-

ческой ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе советских органов власти в 1944 году расследованием комиссии именованной: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

...Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о проведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны, и хранить их можно в особой папке...

Председатель Комитета
государственной безопасности
при Совете министров СССР

А. Шелепин

3 марта 1959 года

Надо отдать должное Никите Сергеевичу Хрущеву, нужно иметь личное мужество «перешагнуть» через оставшееся сталинское окружение Молотова, Кагановича, Маленкова, выйти на трибуну XX съезда партии и разоблачить культ личности Сталина.

Но опубликовать документы, свидетельствующее о массовых расстрелах военнопленных польских офицеров в Катыне, Калинин, Харькове, и рассказать о них всей Компартии и гражданам СССР у Никиты Сергеевича Хрущева личного мужества не хватило.

Он понимал, что эти документы — бомба, равная атомной, она могла похоронить авторитет Советского Союза, КПСС на международной арене навсегда.

Мог и возникнуть второй Международный военный трибунал в Нюрнберге, но уже с другими обвиняемыми на скамье подсудимых.

Расстрел военнопленных польских офицеров Катыни, Калинин, Харькове по прежнему оставался особо важной государственной тайной.

Шли годы...

В начале 70 годов польская и мировая общественность неоднократно проводила акции по увековечиванию памяти невинно убиенным поляков и требуя от руководства КПСС и Советского правительства ясного и честного ответа. На что руководство КПСС и правительство СССР ясно и честно ответили решением Политбюро от 5 апреля 1976 года «О мерах по противодействию западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу». Дело Иосифа Виссарионовича и Лаврентия Павловича живет и побеждает.

Действительно, время остановилось или повернуло вспять. Если внимательно вдуматься в смысл решения Политбюро ЦК, то оно было совсем в духе и 30-х, и 40-х, и 50-х и 60-х годов

Прошли годы...

В середине 80-х годов в СССР подул ветер перестройки. Пришли сюда с «новыми политическими мыслями», свободные от догм Красного курса и постулатов застоя. Так думалось и хотелось большинству граждан СССР, все-таки, как казалось, не совсем.

Под упорным давлением польской и мировой общественности пришлось принять половинчатое решение от 5 мая 1988 года «О мерах по обустройству места захоронения польских офицеров в Катыни (Смоленская область) и расширению доступа граждан ПНР и других стран. Наконец-то! Признание произошло через долгожданные десятилетия, через долгих 48 лет!

Но опять несколько «но». Кто давал санкцию на расстрел? Кто руководил массовыми расстрелами? Где и как происходила кровавая трагедия, унесшая жизнь 21 857 военнопленных польских офицеров? Все эти вопросы оставались без ответов.

Только через год, 31 марта 1989 года Политбюро ЦК КПСС рассматривает вопрос о Катыни и выносит решение: Поручить Прокуратуре СССР, Комитету государственной безопасности СССР, МВД СССР, Государственно-правовому, Международному и Идеологическому отделам ЦК КПСС в месячный срок представить на рассмотрение ЦК КПСС предложе-

Совершенно секретно

НЕ АЖИТ ВОЗВРАТ
0680
-9 МАР 1965
С-А СЕКТОР
ЦК КПСС ОБЩЕСТВ

Тяверичи Хрущеву Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы по расстрелянным в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц добывшей буржуазной Польши всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21 857 человек из них в Катинском лесу (Смоленская область) 4 421 человек, в Старобельском лагере близ Житонова 3 820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6 311 человек и 7 305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации упомянутых лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года все они были осуждены в высшей мере наказания по обвинению в изменении верности на них был наложен смертный приговор и они были расстреляны.

С момента проведения указанной операции в 1940 году никаких сведений по этому делу не было получено и без дела с количеством 21 857 человек в отчетальной документации.

Для Советских органов все эти дела не являлись объектом оперативного интереса, так как считалось, что все они были уже осуждены и расстреляны. В связи с этим в 1953 году в ЦК КПСС были направлены материалы, связанные с этим делом, в том числе и материалы, касающиеся деятельности органов безопасности.

к расквалификации проведенной операции, со всеми
нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных
в Катынском лесу существует официальная версия,
подтвержденная производимым по инициативе Советских
органов власти в 1944 году расследованием Комиссией,
именованной: «Специальная комиссия по установ-
лению и расследованию расстрелов немецко-фашист-
скими захватчиками в Катынском лесу военноплен-
ных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидиро-
ванное там поляно считается уничтоженными
немецкими оккупантами. Материалы расследования в
этот период широко освещались в Советской и зару-
бежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились
в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообраз-
ным уничтожить все учетные дела по лич. раскре-
пленным в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения поставших вкратце вопросов по ли-
чии ЦК КПСС или Советского правительства можно
составить протокол, изложивший суть дела, в
которой освещены указанные лич. раскрепленные и
о проведенной в исполнение решенной задачи. С од-
ной стороны эти документы незначительны и уничтожить их
можно в особой папке.

Поэтому постановлено: ЦК КПСС представить

Председателю Комитета государственной безопасности

безопасности при Совете Министров СССР

3 марта 1959 года

4.632-ш

ОДНОКОПИЙНЫЙ ВАРИАНТ
КОПИИ В ДВАХ КОПИЯХ
КОПИИ В ТРИ КОПИИ

3485 59

65

Фотокопия письма председателя КГБ СССР
Шелепина А. Хрущеву Н.С. от 3 марта 1959 года

ния по дальнейшей советской линии по «Катынско-
му делу».

Отвечать по вопросу массовых расстрелов военнопленных польских офицеров руководство КПСС и Советского государства преднамеренно не желает. Прежде всего, выработать политическую линию.

2 апреля 1990 года на имя Горбачева заведующий международным отделом ЦК КПСС, кандидат в члены ЦК КПСС Фалин Валентин Михайлович подает докладную записку следующего содержания:

«Наш аргумент — в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих подоплеку катынской трагедии, — стал бы не достоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в сочетании с данными, на которые опирается в своих оценках польская сторона, вряд ли позволят нам придерживаться прежней версии и уходить от подведения черты...

Видимо, с наименьшими издержками сопряжен следующий вариант: сообщить В.Ярузельскому, что в результате тщательной проверки соответствующих архивохранилищ нами найдено прямых свидетельств (приказов, распоряжений и т.д.), позволяющих назвать точное время и конкретных виновников катынской трагедии. Вместе с тем в архивном наследии Главного Управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, а также Управления конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность «доклада Н.Бурденко», на основании означенных индиций можно сделать вывод о том, что гибель польских

офицеров в районе Катыни — дело рук НКВД и персонально Берии и Меркулова.

Встает вопрос, в какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот вывод...»

Что же советует Горбачеву патриарх международной политики КПСС? Да все то же, как и было раньше несколько десятилетий назад, только в другой более завуалированной интерпретации. Сообщить Войцеху Ярузельскому об отсутствии в советских архивах данных о виновниках кровавой трагедии, времени совершения и всех обстоятельствах случившегося. Однако имеются некоторые документы в ведомстве НКВД. Другими словами виноват только Берия и его подручные.

А ничего, по сути, удивительного, ведь Валентин Михайлович начинал работу в аппарате Министерства Иностранных дел СССР еще при Иосифе Виссарионовиче в 1952 году.

Заявление ТАСС

14 апреля 1990 года

На встречах между представителями советского и польского правительства, в широких кругах общественности длительное время поднимается вопрос, интернированных в сентябре 1939 года. Историками двух стран были проведены тщательные исследования катынской трагедии, включая и поиск документов.

В самое последнее время советскими архивистами и историками обнаружены некоторые доку-

менты о польских военнослужащих, которые содержались в Козельском, Старобельском, Осташковском лагерях НКВД СССР. Из них вытекает, что в апреле — мае 1940 года из примерно 15 тысяч польских офицеров, содержащихся в этих трех лагерях, 394 человека были переведены в Грязовецкий лагерь. Основная же часть «передана в распоряжение» управления НКВД соответственно по Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областям и нигде больше в статистических отчетах НКВД не упоминается.

Выявленные архивные материалы в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных.

Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что она представляет одно из тяжких преступлений сталинизма.

Копии найденных документов переданы польской стороне. Поиск архивных материалов продолжается.

Все тонкости перепетии номенклатуры борьбы за документы о расстреле 21 857 военнопленных польских офицеров наиболее точно отражено в воспоминаниях архитектора перестроечных процессов в СССР, бывшего члена Политбюро КПСС, академика Яковлева А.Н., опубликованных в предисловии к книге «Катынь пленники необъявленной войны»

Документы, особенно свидетельствующие о кровавых делах властвующих политиков, их неумном лицемерии, обладают мощной взрывной силой. Они беспощадно обнажают ложь, но, к

сожалению, редко предостерегают от нее вновь приходящих политиков.

Документы, касающиеся расстрела 22 тысяч поляков в СССР, имеют уникальную судьбу. Они были глубочайшим образом спрятаны и архиве Политбюро ЦК КПСС, причем правом вскрытия «катынской пакета» обладало только первое лицо в государстве. Эти документы имели особую опасность еще и потому, что советские власти на Нюрнбергском процессе стремились возложить ответственность за это преступление на гитлеровцев.

Но, увы, проходит время, и любые события непременно находят собственное место в истории, принадлежащее только им. Так и на этот раз.

Так получилось, что я причастен к поискам документов по Катыни.

Польская сторона, особенно Войцех Ярузельский, не раз и не два ставила перед руководством СССР вопрос о Катыни. М. Горбачев, несмотря на хорошие личные отношения с В. Ярузельским, все время затягивал практическое решение проблемы. Только позднее я понял, почему это происходило.

В конце концов под давлением польской стороны Политбюро пошло на создание Советско-польской комиссии по Катыни. Советскую часть возглавил Георгий Смирнов, директор Института марксизма-ленинизма. Я должен был курировать работу этой комиссии по линии Политбюро.

Началась длительная поисковая «волынка». Польская часть объединенной комиссии нажимала на Г. Смирнова, он в свою очередь звонил мне и просил помочь в поиске документов. Каждый раз я обращался к Михаилу Сергеевичу, который отвечал на мои неоднократные просьбы одним словом: «Ищите!» Неоднократно спрашивал у заведующего общим отделом ЦК Валерия Болдина, хранителя архивов, где же могут быть хоть какие-то документы по Катыни, Он уверял, что таковых у него нет, но говорил это с легкой усмешкой.

Иногда у меня появлялись сомнения в искренности ответов на мои просьбы, которые разделял и заведующий международным отделом ЦК Валентин Фалин. Но я гнал от себя эти сомнения, ибо не видел каких-либо понятных причин, почему надо скрывать правду.

Так продолжалось достаточно долго. Но однажды вся эта невнятица была взорвана. Ко мне пришел Сергей Станкевич и сказал, что историк И.С.Лебедева, работая с документами конвойных войск, неожиданно обнаружила сведения о Катыни.

— Как личие им распорядится? — спросил Станкевич.

Я попросил передать их мне.

На другой или третий день ко мне пришел профессор А.О. Чубарьян и принес пачку документов. С большим волнением я начал их перелистывать. Старые, холодные листы повествовали о трагедии 12 тысяч, расстрелянных по приказу Джугашвили-Сталина. Уже тогда было

ясно, что это только часть документов. Мы поговорили обо всем этом с Александром Огановичем и договорились, что эти документы должны увидеть свет.

Я стал думать, как поступить с ними. Интуиция останавливала меня от того, чтобы направлять их сразу же в общий отдел ЦК и докладывать М. Горбачеву. Подумав, я решил размножить документы в пяти экземплярах и направить их в международный отдел, в КГБ, в МИД, куда еще — не помню.

Когда пакеты с документами были отправлены, я позвонил В. Болдину и рассказал о находке. И вот тут я понял, что со мной хитрят. Ответ Валерия Ивановича был не только озабоченным по тону, но и каким-то растерянным, торопливым. Он сказал:

— Это очень интересно, направь их мне немедленно. С курьером. — добавил он.

И снова мне пришлось подумать. Я отправил документы, но не с нарочным, а обычным путем — через канцелярию, рассчитывая на то, что на документах появятся, как и положено, красные печати и номера, что и сделало бы их «бюрократически защищенными».

После этого я позвонил Михаилу Сергеевичу и рассказал о случившемся, подчеркнув, что теперь есть о чем говорить в советско-польской комиссии. Горбачев встретил информацию без эмоций. Я бы сказал, без особого интереса. Но, как я понимаю, он позвонил В. Ярузельскому. Об этом я узнал от самого Ярузельского, к которому всегда относился с огромным уважением.

Лед тронулся, но половодья, как оказалось, не получилось.

События неслись вскачь, и я отошел от катынской проблемы, полагая, что она решена. Но случилось так, что Михаил Горбачев и Борис Ельцин, в декабре 1991 года пригласили меня присутствовать на их встрече, когда Михаил Сергеевич как бы передавал власть Борису Николаевичу. Беседа была достойной, взаимоуважительной и продолжалась более восьми часов. Один ничем не показывал, что он расстроен, другой не демонстрировал особой радости.

И вот среди других особо важных бумаг М. Горбачев передал Б. Ельцину конверт с документами, добавив, что необходимо посоветоваться, как с ними поступить дальше.

— Боюсь, могут возникнуть международные осложнения. Впрочем, тебе решать, — заметил Горбачев. Б. Ельцин почитал и согласился, что об этом надо серьезно подумать.

Я был потрясен. Это были сверхсекретные документы по Катыни, свидетельства преступления режима. Я был потрясен еще и потому, что Михаил Сергеевич передавал эти документы с поразительным спокойствием, как если бы я никогда не обращался к нему с просьбой дать поручение своему Архиву еще и еще раз поискать документы. В растерянности я смотрел на Горбачева, но не увидел какого-либо смущения. Такова жизнь.

Впрочем, не могу не сказать о своем недоумении и в связи с тем, что переданные документы далеко не сразу получили огласку. Причины мне

неизвестны. А еще более — непонятны. Как же все-таки трудно пробивается правда — и не только через бюрократические бастионы, но и через инерционную психологию политиков.

Магические надписи на конвертах прошлого продолжают завораживать нас.

Мудрая украинская народная пословица гласит: Брехня не встигне, так догоне. Враньем начинали товарищи Ленин и Сталин по отношению к Польше и польскому народу, враньем закончили их последователи. Кровью начинали, кровью и закончили.

Жители Украины и Харьковщины узнали о массовом расстреле польских офицеров 3 июня 1990 года из сообщения пресс-группы управления Комитета Государственной безопасности по Харьковской области, в котором сообщалось:

«В ходе поиска к настоящему времени выявлено еще одно место массового захоронения жертв сталинских репрессий, которые, по предварительным документальным и свидетельским данным, находятся в квартале №6 Лесопарковой зоны. Там захоронено более 1700 советских граждан, расстрелянных по приговорам судов и решениям внесудебных органов, а также незаконно казненные в 1940 г. военнослужащие — поляки, количество которых выясняется.»

Данное сообщение было опубликовано в Харьковской областной газете от 3 июня 1990 года.

Впоследствии, 17 июня 1990 года в газете «Московские новости» была опубликована статья Жаво-

ронкова Г. «Тайна черной дороги», в которой автор приводит показания свидетелей тех лет, прямо указывающие, что массовые расстрелы военнопленных польских офицеров проходили в подвалах управления НКВД по Харьковской области:

Но важны не только документы, важны свидетели тех роковых лет. А они есть:

«Я, Иван Дворниченко, в 1938 году после демобилизации из армии вернулся в Харьков. Поступил на работу шофером по обслуживанию штаба Харьковского военного округа. Наш гараж был расположен на Пушкинской улице у дома № 41. Напротив был гараж НКВД. Я часто разговаривал с работающими там водителями. Особенно с одним, которого звали Олексий. Ему было всего тридцать лет, но он уже был абсолютно седой. Перед самой войной Олексий рассказывал мне, что возит трупы расстрелянных людей в лесопарк Пятихаток. Людей убивали в здании НКВД на улице Чернышевского, куда Олексий и загонял свою крытую полуторку. Трупы грузили навалом и покрывали брезентом. Среди расстрелянных было много военнослужащих поляков.

Сам я возил начальство на легковом автомобиле ГАЗ М-1. Приходилось ездить и на обкомовские дачи, которые были расположены по левую сторону от Белгородского шоссе. Мой напарник Василь как-то показал мне, где хоронят расстрелянных — чуть подальше от обкомовских дач и справа от шоссе. В этом участке леса все время дежурил трактор, чтобы в случае распутицы затискивать машины вглубь.»

Дворниченко не единственный свидетель преступления против польских офицеров в 1940 году.

Жив сын шофера, некогда курсирующего по маршруту Харьков-Черная дорога. Несмотря на строжайшие запреты не раз рассказывал он семье, какой черной работой занят он на Черной дороге. Часто плакал и никак не мог избавиться от жутких запахов, которые преследовали его и днем, и ночью. Говорил и о судьбе польских офицеров. Не тайна это и для сегодняшних мальчишек, занимающихся поиском польских монет и орденов.

Конец 80-х годов в СССР. Рассвет так называемой перестройки М. Горбачева. На страницах газет, журналов, книг развенчивался культ личности Сталина, раскрывались неизвестные страницы сталинских репрессий. Не обошлось и без перегибов, в большинстве случаев начался процесс огульного примеривания мундиров Ежова и Берии на всех работников КГБ.

Однако, еще в 1988 году начальник следственного отделения УКГБ по Харьковской области полковник Николай Николаевич Мурзин начал работу по розыску и реабилитации жертв сталинских репрессий в Харькове и Харьковской области.

Огромная поисковая и исследовательская работа была проведена им по освещению неизвестных страниц истории расстреле польских военнопленных офицеров в Харькове в апреле-мае 1940 года.

Николай Николаевич Мурзин много сделал для создания мемориального комплекса невинно убиенным гражданам Польши и Украины в 6-м квартале Лесопарка.

Н.Н.Мурзин последние годы посвятил работе над книгой о расстреле военнопленных польских офице-

ров в Харькове в апреле-мае 1940 года. Эта книга стала для него заветной целью.

К глубокому сожалению, смерть не дала закончить Мурзину Н.Н. свою книгу, остались неосвещенным еще много неизвестных страниц истории.

Значительный вклад в изучение неизвестных страниц внес руководитель следственной группы Военной прокуратуры Украины полковник юстиции Амонс Андрей Иванович, ныне начальник юридической службы Государственной межведомственной комиссии по делам увековечивания памяти жертв войны и политических репрессий, полковник юстиции в отставке.

В личной беседе автора с Андрей Ивановичем Амонсом было обсуждено огромное количество инте-

На фотографии: второй слева — Мурзин Н.Н.

ресных фактов касающихся кровавой трагедии прошедшей в Харькове, в апреле-мае 1940г.

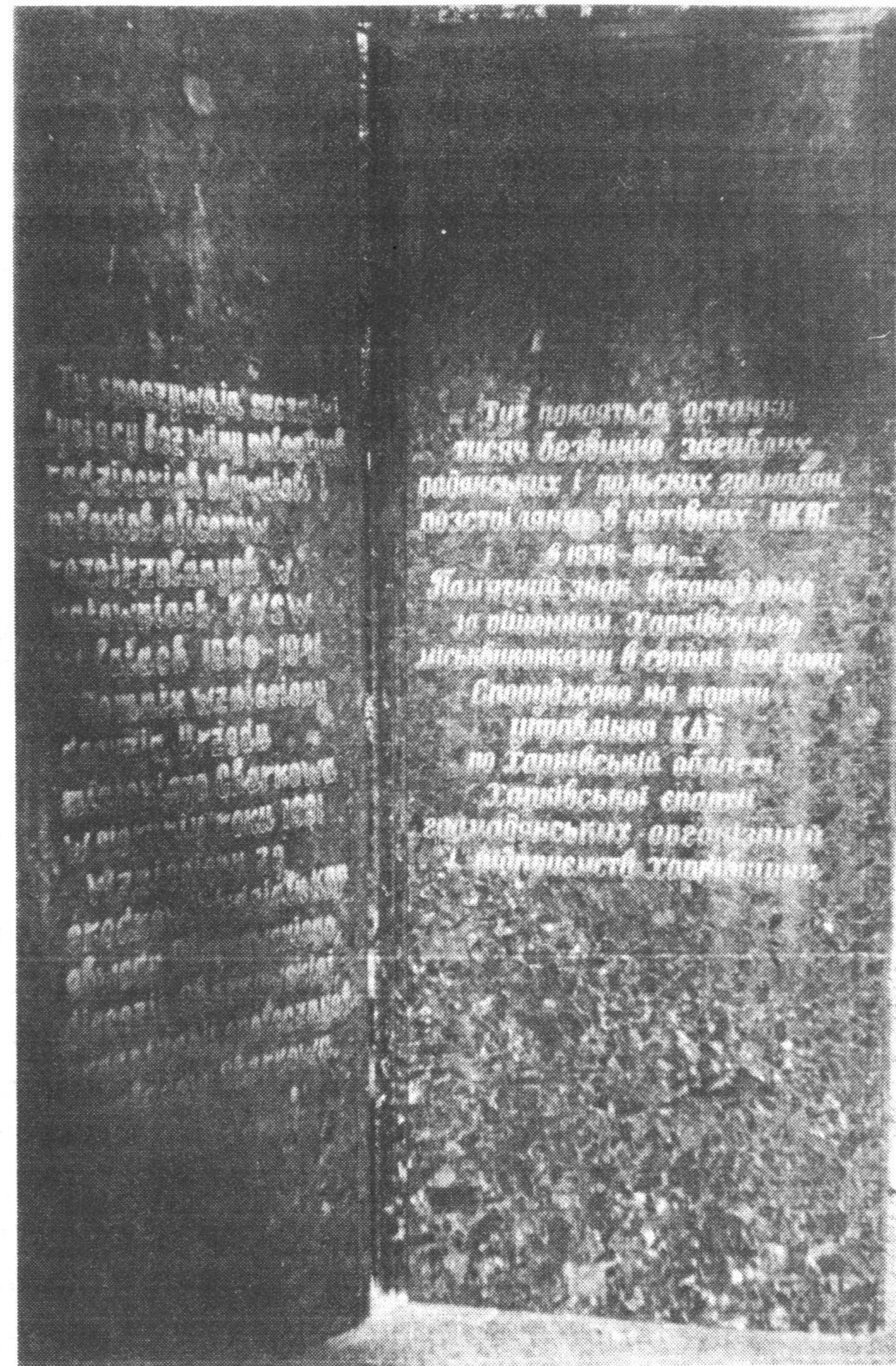
Вот о чем рассказал Андрей Иванович:

«22 марта 1990 года прокуратурой Харьковской области было возбуждено уголовное дело по факту массовых расстрелов граждан, захороненных в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова. В ходе предварительного следствия установлено, что в 6-м квартале лесопарковой зоны города имеются массовые захоронения советских граждан периода сталинского режима 30-40-х годов XX столетия, среди которых находятся захоронения польских военнослужащих, расстрелянных весной 1940 года сотрудниками органов НКВД.

Из приобщенных к делу архивных документов, показаний ряда свидетелей, бывших работников Харь-

Руководитель следственной группы Военной прокуратуры Украины полковник юстиции Амонс А.И.

Памятный знак советским и польским гражданам, погибшим в результате сталинских репрессий в г. Харькове в 1938–1941 гг. Сооружен на средства управления КГБ по Харьковской области при активном участии Мурзина Н.Н.

ковского УНКВД установлено, что организаторами уничтожения польских военнопленных из Старобельского лагеря Луганской области являлись руководители органов НКВД СССР: Берия, Меркулов, начальник управления по делам военнопленных Сопруненко, начальник Старобельского лагеря Бережков и ряд других должностных лиц Харьковского УНКВД, которые расстреляли 3891 польского военнопленного.

Учитывая изложенные обстоятельства, 20 августа 1990 года прокуратурой Харьковской области по материалам расследованного дела было возбуждено уголовное дело в отношении бывших работников НКВД СССР: Берии, Меркулова, Сопруненка, Бережкова и других, а также бывшего начальника УНКВД по Харьковской области Рейхмана и коменданта УНКВД Зеленого.

В тот же день уголовное дело для дальнейшего расследования было направлено в военную прокуратуру Харьковского гарнизона, а впоследствии — в военную прокуратуру КВО и главную военную прокуратуру СССР, где были расследованы все обстоятельства расстрела польских военнопленных из Осташковского, Козельского и Старобельского лагерей.

Следствие по поводу расстрела 7305 бывших военнослужащих и некоторых гражданских лиц Польши, находившихся в тюрьмах НКВД на территории УССР и БССР, до настоящего времени не завершено и окончательный ответ на этот вопрос не дан ни работниками прокуратуры, ни историками ныне соседствующих самостоятельных государств.

До настоящего времени на Украине не было своей публикации по трагическим событиям тех лет, когда

после периода Великих репрессий 30-х годов над своим народом весной 1940 года советские руководители, вопреки международным законам, запланировали массовое уничтожение военнопленных польской армии и арестованных представителей государственных органов соседнего государства, томившихся в тюрьмах Украины и Белоруссии.

Проведенным Главной военной прокуратурой СССР следствием установлено, что в тюрьмах НКВД на территории Западной Украины было расстреляно 3435 польских граждан, а на территории Белоруссии — 3870.

Эти факты нашли свое подтверждение не только в архивных документах, но и в показаниях многочисленных свидетелей, среди которых были и показания бывшего председателя КГБ СССР А.И. Шелепина, который в докладной записке от 03.03.1959 г. Н.С. Хрущеву сообщал, что на основании Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года по решению специальной тройки НКВД СССР расстреляно 21 857 польских граждан: из Козельского лагеря военнопленных — 4 421 человек, Осташковского лагеря — 6 311 человек, Старобельского лагеря — 3 820 человек, остальные 7 305 арестованных — из тюрем Западной Украины и Белоруссии.

В тюрьмах НКВД на территории УССР было расстреляно в тот же период 3 435 человек.

На протяжении последних лет в Польше и России вышло немало книг, рассказывающих о трагической судьбе уничтоженных весной 1940 года сталинским режимом польских офицеров и многочисленных представителей польской интеллигенции.

Немалое внимание в этих публикациях было отведено описанию Харьковской трагедии, когда в апреле-мае 1940 года в подвалах этой тюрьмы непосредственными исполнителями указаний Великого вождя народов И.В. Сталина было расстреляно 4 302 человека (по данным раскопок польской археологической группы, работающей в Харькове с 1991 по 1996 годы).

Отдельные архивные документы довоенных лет называют разное количество уничтоженных польских военнослужащих. По одним данным эта цифра составляет 3 820 чел., по другим — 3 896 чел. С учетом отправленных в другие лагеря наиболее вероятной является цифра 3 811, но по учетным данным проходит цифра 3 820.

В материалах расследованного прокуратурой Харьковской области уголовного дела конкретно указывалось, что именно в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова в период сталинских репрессий 30-х г.г. проводились захоронения расстрелянных людей.

Там же указывалось, что на территории бывшего староеврейского кладбища (ныне Комсомольский парк) с 9 августа 1937 года по 11 марта 1938 года захоронено 6 865 советских граждан, расстрелянных сотрудниками местного УНКВД.

Помимо этого в апреле-мае 1940 года на территории 6-го квартала лесопарковой зоны дополнительно было захоронено 3 820 польских военнопленных, доставленных в Харьковскую тюрьму из Старобельского лагеря.

Расстрелы советских граждан и польских военнопленных проводились сотрудниками органов НКВД в подвалах внутренней тюрьмы.

Этот факт нашел свое подтверждение в показаниях бывшего старшего надзирателя Харьковского НКВД Сыромятникова М.В., показавшего, что в мае 1940 года во внутреннюю тюрьму стали поступать пленные польские военнослужащие, которых размещали в тюремные камеры, а затем по указанию руководства НКВД доставлялись в подвал, где комендант УНКВД ст. л-т ГБ Куприй в ночное время их расстреливал. Он сам в числе других сотрудников Харьковского областного управления производил захоронение расстрелянных людей в 6-м квартале лесопарковой зоны в заранее подготовленных для этого глубоких ямах. Все погибшие офицеры были в военной форме с польскими государственными наградами и знаками различия.

Материалами дела также доказано, что среди расстрелянных в Харькове офицеров было 8 генералов, 55 полковников, 136 подполковников, 516 майоров, 843 капитана, много младших офицеров, 9 ксендзов, 5 крупных государственных чиновников и других лиц общей численностью 3 820 человек.

Среди военнопленных генералов, содержащихся в Старобельском лагере были Л. Боллевиц, С. Халмер, А. Ковалевский, К. Луковський, Ф. Сикорский, П. Скура-тович, некоторые из них были в отставке. Около 600 офицеров — летчики, более десятка — преподаватели высших учебных заведений, несколько сотен — мобилизованных в армию инженеров, немало учителей. Подавляющее количество этих людей были расстреляны работниками органов НКВД и захоронены на окраине Харькова весной 1940 года.

Немало жителей пос. Пятихатки, расположенного рядом с территорией 6-го квартала лесопарковой зоны заявляли, что в подростковом возрасте часто произо-

дили раскопки захоронений, где находили черепа с пулевыми отверстиями, различные воинские награды, монеты буржуазной Польши, металлические пуговицы с орлами. Позже находки у них были изъяты, а место захоронений ограждено с целью прекращения раскопок.

Судьба уничтоженных польских военнопленных фактически была предрешена еще в записке Л. Берии, содержащей проект Постановления Политбюро, который автоматически был превращен в соответствующее Постановление от 5 марта 1940 года.

Рассмотрение дел и вынесение по ним решений возлагалось Постановлением ЦК ВКП(б) на специальную тройку в составе руководящих работников НКВД СССР — замнаркома СССР Меркулова В.Н., Кабулова Б.З. и начальника 1-го спецотдела Баштакова Л.Ф. Вся эта процедура была превращена фактически в чисто техническую операцию, поскольку в постановлении ЦК конкретно указывалось применение к содержащимся во всех 3-х лагерях польским военнослужащим и другим арестованным на территории западных областей Украины и Белоруссии высшей меры наказания — расстрела.

Это внеправовое решение придавало видимость законности содеянному в глазах исполнителей расстрелов, так как сама акция проводилась в строжайшей тайне и была чисто внутриведомственной.

Уже в апреле—мае 1940 года на основании выше-названного Постановления ЦК ВКП(б) начальником управления по делам военнопленных Сопруненко П.К. формировались команды по 90-260 человек из числа военнопленных и других граждан Польского государства, содержащихся в тюрьмах Западной Украины и

Белоруссии. На этих людей оформлялись списки-предписания с присущей для лагерей и тюрем нумерацией. На основании таких предписаний и соответствующих приказов начальников лагерей военнопленные направлялись специальными эшелонами под охраной конвойных подразделений в распоряжение начальников указанных в предписаниях областных управлений НКВД для их расстрела.

Именно так было и с харьковским этапом, расстрелянным в апреле-мае 1940 года, как уже упоминалось, в подвальных помещениях харьковской внутренней тюрьмы НКВД, что подтвердилось проведенными в 1991 году раскопками.

Долгие годы не удавалось найти документальные подтверждения проведенной органами НКВД СССР акции по уничтожению польских военнослужащих.

В конце мая — начале июня 1989 года наконец-то группой историков были найдены тщательно скрываемые списки уничтоженных польских военнопленных и документы по их транспортировке, о чем было сообщено Президенту СССР.

14 апреля 1990 года в сообщении ТАСС было указано на виновность Л. Берии и его ведомства в расстреле польских военнопленных весной 1940 года.

Президентом СССР М. Горбачевым Польской стороне был передан по этому вопросу ряд архивных документов, включая именные списки расстрелянных.

В сентябре того же года Главная военная прокуратура СССР возбудила уголовное дело по факту расстрела польских военнопленных. В ходе следствия удалось выяснить целый ряд архивных документов, в т.ч. и документов Управления по делам военноплен-

ных НКВД СССР, Управления конвойных войск и других ведомств.

Именно на этой основе проводились подготовительные работы по исследованию Харьковского захоронения с участием работников Главной военной прокуратуры и прокуратуры Киевского военного округа.

Уже первые работы в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова, проводившиеся с 25 июля по 6 августа 1991 года, дали свои результаты. Было проведено 49 раскопов и 5 зондажей. В 2-х раскопах за № У/91 и ХХ11/91 выявлены останки 167 польских офицеров. Эксгумационные работы, которые проводились с участием польских специалистов и представителей Генеральной прокуратуры Польши и Министерства юстиции РП, подтвердили нахождение в этих захоронениях военнопленных из Старобельского лагеря.

Путем исследования архивных документов установлена связь между списками-предписаниями на отправку военнопленных из Старобельского лагеря в УНКВД Харьковской области весной 1940 года.

К концу 1990 года удалось найти решение ЦК ВКП(б), подписанное И.В. Сталиным в начале 1940 года, и доказать сокрытие этих исторических документов бывшим руководством СССР и КПСС в течение многих десятилетий.

Благодаря этому представилась возможность вплотную подойти к завершению вопроса об уничтожении польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей и более тщательно заняться исследованием эпизодов уничтожения поляков в тюрьмах Западной Украины и Белоруссии.

В октябре 1992 года представитель Президента России Б.Н. Ельцина передал Президенту Польши

Л. Валенсе найденное в российских архивах Постановление ЦК ВКП(б) от 05.03.1940 года для успешного завершения работ по установлению всех исторических подробностей расстрела польских военнопленных.

Однако, работы по установлению мест захоронения польских офицеров в г. Харькове продолжались и после 1991 года, они велись с перерывами до октября 1996 года. С 1994 года, в связи с расследованием уголовного дела о массовых захоронениях жертв политических репрессий в 30-х, — 40-х годах XX столетия у пос. Быковня в г. Киеве и других местах Украины, этим вопросом занималась военная прокуратура Центрального региона Украины, а затем Северного региона.

От Российской стороны был получен целый ряд копий обнаруженных в российских архивах документов расследуемого периода с подтверждением фактов расстрела военнопленных офицеров Войска Польского не только на территории России, Белоруссии и Украины, но и в самих тюрьмах НКВД УССР и Белоруссии.

Тем временем поисково-эксгумационные работы в 6-м квартале г. Харькова продолжались. Так, в течение летне-осеннего периода 1995–1996 годов среди обнаруженных захоронений 1937–1938 годов выявлено 13 захоронений польских офицеров. Характерно то, что в 15 польских захоронениях, раскопанных в 1991, 1995 и 1996 годах, обнаружено 4302 польских военнослужащих. Не следует забывать, что по архивным спискам Старобельского лагеря офицеров, которые отправлялись в распоряжение Харьковского УНКВД в апреле-мае 1940 года, значилось 3891 человек. Как выяснилось, позже 80 военнопленных офи-

церов из этого списка по тем или иным причинам были в последний момент отправлены в иное место.

Таким образом, в Харьковской тюрьме было расстреляно 3 811 военнопленных. Сравнивая цифры 4302 и 3 811 вполне естественно напрашивается вопрос, откуда еще взялись 495 польских офицеров. Причем в одном из двух раскопок 1991 года нашли останки женщины, которая среди узников Старобельского лагеря не значилась, а также были опознаны по индивидуальным вещам останки польского прокурора Станислава Мальчевского из Львова, который также не числился среди узников названного лагеря.

Его фамилия под № 1838 значилась в киевском списке из 3 435 человек — польских офицеров, пограничников, полицейских, жандармов и представителей государственных структур Польши, содержащихся в тюрьмах западных областей Украины.

Обращает на себя внимание и тот факт, что среди узников Львовской тюрьмы НКВД и западных областей Украины на 10.12.1939г. значилось 570 арестованных польских офицеров и значительное количество работников правоохранительных органов.

По своему составу и количеству львовская группа как раз соответствовала в определенной части Старобельскому контингенту польских военнопленных, расстрелянных на основании Постановления ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

Не следует забывать, что в п. 2 данного Постановления говорилось о расстреле в весенний период 1940 года узников тюрем Западной Украины и Белоруссии.

Наиболее вероятно, что собранная во Львове группа из 570 человек была этапирована в распоряжение

Харьковского УНКВД и 495 человек из нее расстреляны в тех же подвальных помещениях.

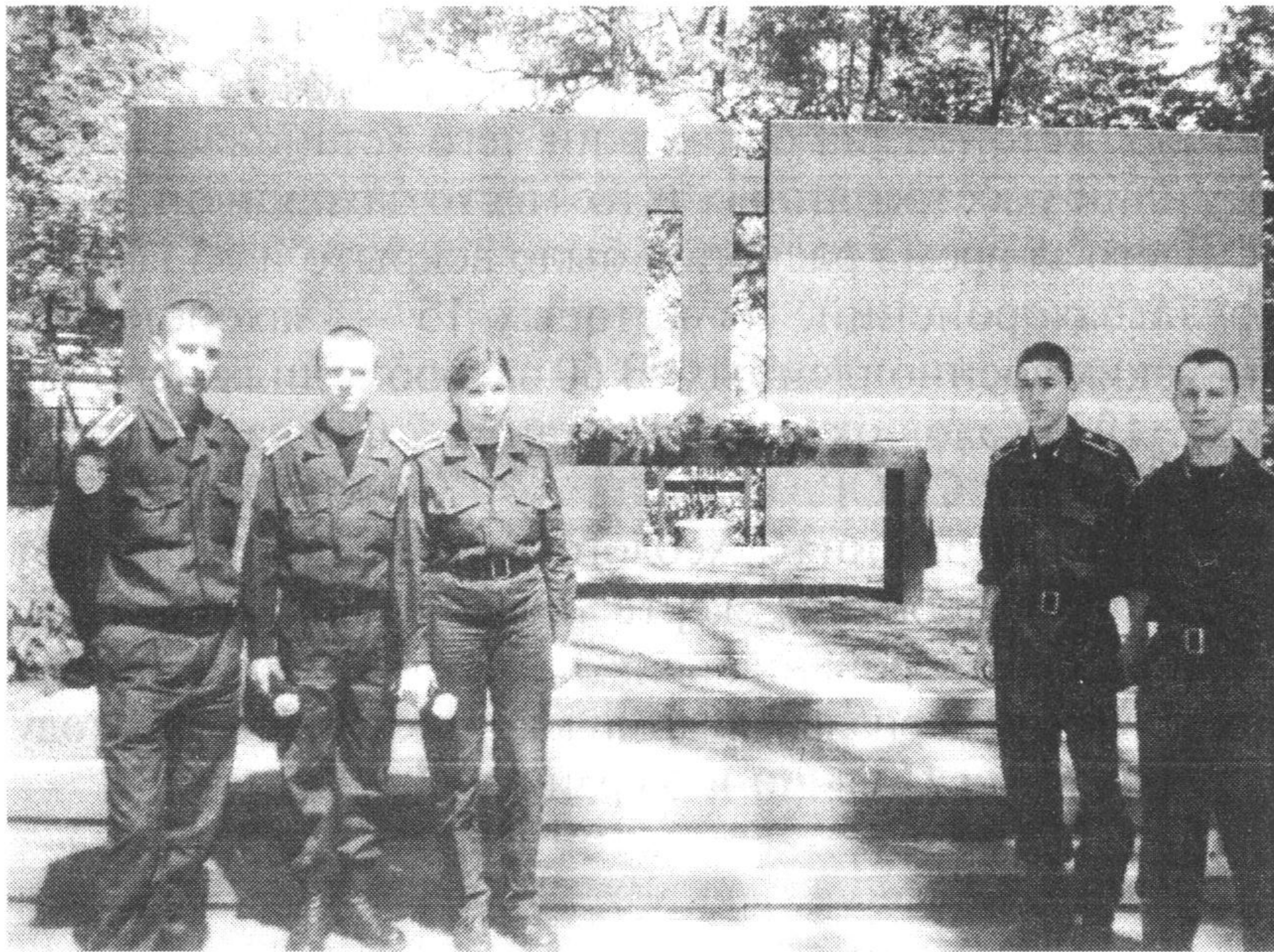
Сам факт обнаружения среди останков захороненных польских офицеров, польского прокурора и неизвестной женщины подтверждает этот вывод.

Хотелось бы отметить, что в ходе раскопок 1996 года удалось обнаружить значительное количество документов, большое количество фрагментов польского обмундирования, знаков отличия, наград, индивидуальных жетонов, на основании чего установлены 284 фамилии расстрелянных и их место захоронения.

Всего за время раскопок было вскрыто и обработано 75 захоронений, из которых 15 — захоронения польских военнопленных. В 60 захоронениях периода 1937–1939 годов оказались останки 2 098 расстрелянных граждан СССР.

После завершения археолого-экспертных работ на месте захоронения жертв политических репрессий 30-х годов и захоронения польских военнослужащих был установлен мемориальный комплекс, открытый в 2000 году Президентами Польши и Украины.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Будущие офицеры органов внутренних дел Украины, курсанты Национального Университета внутренних дел у могил погибших польских офицеров в 6-м квартале Лесопарка города Харькова.

Итак, дорогой читатель, мы с Вами перевернули еще одну трагическую страницу истории польского народа.

Опыт мировой истории показал, что преступления против человечества не смогут иметь никаких аргументов для оправдания, ради каких бы «самых высоких целей» они не совершались.

Мы должны знать всю правду о трагедии польских военнопленных расстрелянных в подвалах НКВД в городе Харькове, хотя и прошло 63 года с этого времени. Зло должно быть наказано вне зависимости от срока давности.

Мы должны восстановить всю правду, какой бы горькой она не была. В этом заключается наше покаяние.

Это надо и полякам и украинцам, людям старшего и молодого поколения. Наши дети никогда не должны быть ни палачами ни жертвами.

ЗАБВЕНИЕ ПРОШЛОГО ГРОЗИТ ЕГО ПОВТОРЕНИЕМ.

Науково-популярне видання

С.М. Заворотнов

ХАРЬКОВСКАЯ КАТЫНЬ

(російською мовою)

*Свідоцтво
про внесення СКППФ «Консум»
до державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
серії ДК № 162 від 01.09.2000 р.*

Керівник видавничих проектів *В. В. Сунцов, канд. юрид. наук*

Відповідальний за випуск *М. Г. Хачірова*
Дизайн і комп'ютерна верстка *О. В. Куценко*
Художник *Є. М. Мовчанюк*

Підписано до друку 24.03.2004. Формат 60×84 1/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 8,13. Обл.-вид. арк. 4,56.
Вид. № 4-16. Тираж 1000 прим. Ціна договірна. Зам. № 141.

Спільне колективне підприємство фірма «Консум»
Україна, 61057 м. Харків, а/с 9123.
Тел./факс (0572) 23-76-75, 170-119.
E-mail: book@konsum.kharkov.ua
<http://www.konsum.kharkov.ua>
Интернет магазин <http://delko.com.ua>

**Заворотнов Семен Михайлович —
кандидат исторических наук,
подполковник милиции,
сотрудник Национального университета
внутренних дел Украины.
Автор публикаций по истории сталинских
репрессий.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Интернет магазин
<http://delko.com.ua>

61057 Харьков, а/я 9123

(0572) 23-76-75, 170-119

E-mail: book@konsum.kharkov.ua

URL: <http://www.konsum.kharkov.ua>